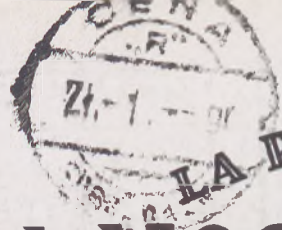

№ 37 (487) Парижъ
8 Сентября 1934 г.

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

Цѣна отд. № - 3 фр
11-й годъ изданія

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

**Охотничій
номеръ**

На облавѣ...

Національная Лотерея

1934 года

Продажа цѣлыхъ билетовъ и частей всѣхъ 40 серій

Всѣ порученія въ Россію

Торгсинь (3-8 дней съ обратной личной распиской)

Продукты, вещи новыя и ношенныя,
медикаменты и проч.

A. GODOVANNIKOFF

30, Quai de Passy, PARIS - 16°
Téléph. JASMIN 01-50 - Métro: PASSY
Adr. Télégr.: Godovannikoff-Paris

RESTAURANT «CHEZ KORNILOFF»

6, Rue d'Armaillé, prolongement av. Carnot. Tél.: Etoile 52-49

Ф. Д. Корниловъ проситъ своихъ друзей и многоуважаемыхъ кліентовъ оказать ему внимание посѣщеніемъ его ресторана, гдѣ ихъ ждетъ радушный пріемъ и изысканный столъ.

„МОСКВА“

Старѣйшій русскій ресторанъ въ Парижѣ
7, rue Rauquet (около Etoile), tél.: Passy 21-25.

Гостепрійно, обильно и вкусно

Завтраки — 3 блюда, вино, кофе и куверть 16 фр.

Обѣды — 4 блюда и кув. 18 фр. Цѣны à la carte понижены. Дир. Н. Борисовъ.

ВОТЪ ГДѢ КОРМЯТЪ!!!

РЕСТОРАНЪ «CHEZ MÈNE»

9, г. Général Lanrezac et 2, г. Arc de Triomphe, près de l'Av. M.-Mah.

Во вновь расширенномъ и непрежнему уютномъ ресторанѣ
Вы найдете за 7 фр. prix-fixe, обильный выборъ вкусныхъ блюдъ.
Хозяйка Comtesse de Beaurepaire

Директоръ Саша Германъ.

КРОВОЧИСТИТЕЛЬ

сущ. съ 1893 г.
СПБ. Колокольная 11.
А В Р А Н И Н Ъ

ИНДИЙСКІЙ БАЛЬЗАМЪ — безвредный растительный сокъ.

Экстрактъ цѣлебныхъ индійскихъ кореньевъ и травъ, соверш. очищаетъ кровь, обновляя и омолаживая орган. (см. фр. газ.), предохраняетъ его отъ преждевременной старости. Индійскій бальзамъ, испытанъ болѣе, чѣмъ 50-ти лѣтъ практикой, вполне излѣч. въ крат. срокъ упорн. и неподдающ. медицинѣ болѣзни, какъ сифилисъ со всѣми его послѣд. сух. спин. мозга (табесъ), прогр. парал. нахожн. бол. экзема, псориазисъ, люпусъ или волчанка, сикозъ, золотуха, гоноррею (трипперъ), падуч. бол. (эпилепс.), туберкулезъ легкиихъ и костей, малокровіе, половую и общую слабость, желудочн. и кишечн. заболѣванія. Уже послѣ пріема первой же бутылки на 3-5-й день больной измуч. болѣзн. чувствуетъ, какъ организмъ наполн. новыми силами и успокаивается нервн. сист., появ. аппетитъ, и норм. сонъ. Обл. излеч. этихъ болѣзней имѣются десятки тысячъ нотаріальныхъ и письмен. благодарн. Бальзамъ премир. на европ. выст. и награжденъ пятью зол. мед. Требуется брошюры на вс. яз. Почтов. расх. 2 франка. АВРАНИНЪ, продается въ аптекахъ, а гдѣ его нѣтъ, просятъ обращаться по адресу: LABORATOIRE AVRANINE, 6, rue Maublanc, Paris (15). M-ro: Vauq.

Banque Industrielle du Centre

85, rue Richelieu, Paris (2)
Tél.: Rich. 39-30

Старѣйшій банкъ по переводу денегъ въ Россію въ любой валютѣ.

Продовольств. посылки. Переводы и чеки на Торгсинь. ПРОДАЖА БИЛЕТОВЪ ФРАНЦУЗСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛОТЕРЕИ, а также Лотереи освобожденныхъ областей: цѣлыми, четвертями и десятиями частями билета.

Русскій проспектъ по требованію.
КОРРЕСП. ПО-РУССКИ.

PILOSTYL PROF. GRAMOND

приготовл. согласн. научныхъ работъ: Brown-Sequard, Barot, Taff, Helner, Kronfeld, Draggendorf, Metchnikoff, и др. Научн. препаратъ, испытанный въ Парижск. клиникахъ. Средство прот. полов. невралгій и безил. Дѣйстви тельн. результ., никакой опасн. для здоровья. Ц. 25 фр. Депо для продажи: Grande Pharmacie du Progrès: 61, av. de Choisy (13). Выс. по пол. стоим.

ПОКУПКА ДРАГОЦѢНН. И ЖЕМЧУГА по наивысшимъ въ Парижѣ цѣнамъ. Починка и передѣлка.

KERESTEDJIAN, 38, rue de Tréviso
Тѣл.: 89-69.

ПРОД. И ВЕЩ. ПОСЫЛКИ ВЪ РОССІЮ ДЕНЕЖН. ПЕРЕВОДЫ на Торгсинь.

ЗЕМСКІЙ СОЮЗЪ

UNION DES ZEMSTVOS RUSSES
73, rue de la Victoire, Paris (9°); Tél.: Trinité 52-73 et 52-74.
Métro: Ch. d'Antin et Trinité.

Пансіонъ Танагосъ

ДЗИНТАРИ, Единбургскій просп. № 11
РАСПОЛОЖ. ОКОЛО ДЮНЪ И ЛЪСА
Всѣ комнаты вновь отремонтированы.

Образцовая кухня.

Съ почтеніемъ
Латвія. **Евгенія Танагосъ**

КНИЖНОЕ ДѢЛО

Ш. МИЛЬШТЕЙНЪ, Кишиневъ

(Румынія)

Ген. предст. «Иллюстрированной Россіи».
Всѣ новіи русск. книжнаго рынка
Книги довоенныхъ изданій.

Списки книгъ — по первому требованію
S. Milstein, Chisinau, str. Stefan cel Mare, 146.

Константинъ Коровинъ

ВЫДРА

Охотничій рассказъ

Съ рисунками худ. А. Коровина.

Всякій знаетъ, что лѣто лучше зимы. Охота лѣтомъ хороша, но и зимой тоже занята. Особенно хорошо зимой, когда друзья-охотники пріѣзжаютъ въ гости. Охота бываетъ и неудачна, холодно, морозы, уши мерзнуть, но зато вечера въ тепломъ домѣ, въ деревнѣ хороши. Горитъ лампа, теплется каминъ, рассказы друзей... Живу я въ глухомъ мѣстѣ далеко отъ Москвы, станція далеко, кругомъ лѣса; мой деревянный домъ стоитъ на горкѣ у лѣса, а внизу рѣчка, небольшая. За рѣкой огромный лѣсъ тянется на сто верстъ больше. Селенья рѣдки. Попадаются деревенки небольшія, дворовъ шесть. Деревенская сосѣдка моя, тетушка Афросинья, хорошо варитъ брагу, пѣнистую. А мужъ ея Феоктистъ на рѣчкѣ сдѣлалъ во льду прорубку воду брать. Хороша вода въ рѣчкѣ Нерли, вкусная. А въ колодцахъ хуже.

И сказала мнѣ Афросинья, что пошла поутру на прорубь воду брать, утромъ рано и вотъ видитъ она, что у прорубки лежитъ эдакій звѣрина, морда кошачья, усищи, самъ гладкій, лапы какъ у гуся, а хвостъ рыбій.

— Вотъ побольше собаки вашей. Онъ увидалъ ее, да въ прорубку прысъ... и ушелъ. И у ней ноги подкосились.

— Глазищи у его, какъ у кошки!

— Тебѣ показалось, тетушка Афросинья, говорю я. — Откуда звѣрь такой возьмется?

— Нѣтъ, говоритъ Афросинья, видала, ей-ей. Феоктистъ-то говоритъ, не иначе что это выдра.

Афросинья была женщина серьезная. Врать не станеть, думаю я. — Не какая-нибудь потрясучая, говорилъ мнѣ дѣдушка, «а мужнина жена».

Я сижу въ деревнѣ одинъ, скучно. Пишу картины съ натуры: зиму. Холодно, руки мерзнуть. Поцѣлю, думаю, телеграмму охотникамъ - друзьямъ. Пишу: «Выѣзжайте скорѣй, выдра, одиннадцать часовъ»; — телеграммы вѣдь сокращенно пишутъ. А самъ пошелъ смотреть на рѣчку къ прорубкѣ. Снѣгу много. Къ той сторонѣ рѣчки, гдѣ густой лѣсъ весь въ хлопьяхъ снѣга, къ берегу большая прорубь. Вижу дѣйствительно слѣды на снѣгу у прорубки и у слей. Ла-

пы большія съ перепонками и снѣгъ сбитъ полосами, какъ-будто кто ползаль и чешуя рыбья поблескиваетъ. Афросинья говоритъ мнѣ:

— Если это что ни что водяной ежели, а то звѣрина страшный.

— Ленька, кричу я слугѣ своему.

Ленька приходитъ заспанный.

— Ну, что ты, опять спалъ? говорю я.

— Да вѣдь скучно, — говоритъ Ленька. Дѣлать нечего.

— Скучно... А вотъ палитру опять не вычистилъ. Слышалъ, звѣрина въ проруби живетъ у насъ тутъ у лѣса.

— Да, слышалъ. Афросинья говорила. Феоктистъ-то прорубь большой пробилъ на бочагѣ у лѣса. Онъ говоритъ нарочно, говоритъ, большой ,пускай, говоритъ, когда Василь Сергѣевичъ пріѣдетъ налимовъ тутъ ловить будемъ. Тамъ есть налимы, говорить.

— А если это враки... ей показалось? Можетъ быть, кошка была?

— Нѣтъ, Афросинья врать не будетъ. Можетъ это боберъ?

— Какъ боберъ? Бобровъ вѣдь тутъ нѣту.

— Дѣдушка говоритъ, что бобры раньше были, недалеко здѣсь у Иванова озера, камчатскіе.

— Пошлю телеграмму.

Приписалъ: бобры...

— Отвези, говорю Ленкѣ, съ Павломъ на станцію. Вотъ телеграмма.

**

Въ Москвѣ получилъ телеграмму пріятель мой Павелъ Александровичъ Сучковъ. Поѣхать къ гофмейстеру, тоже охотнику. Тотъ прочелъ телеграмму, разсердился ужасно, сказалъ:

— Какая ерунда! Какой у него въ головѣ вздоръ, и всегда это у него. Выдра, бобры одиннадцать пудовъ. Вздоръ!

Телеграфистъ, должно быть, перепуталъ. Вмѣсто слова часовъ написалъ «пудовъ». Павелъ Александровичъ задумался: «Если это окажется, что это пошлая шутка, то я больше съ нимъ не знакомъ. Но все же, вѣроятно, если не бобры, то выдра».

Самъ думаю: «Странный звѣрь. Пріѣдутъ гости - охотники, чего бы добраго, не убили бы этого звѣря. Живетъ, бѣдняга, зимой въ водѣ, снѣгъ кругомъ, холодище, живетъ тутъ недалеко, рядомъ со мной, и вотъ я же послалъ убивать его... Ничего онъ мнѣ дурного не сдѣлалъ... Навѣрное, красивый, милый звѣрь... Нѣтъ, я не дамъ его убивать. Да имъ и не убить. Пулей надо, Пулей не попадешь».

— Не нерпа ли это? — говоритъ мнѣ дѣдушка. — Та то невелика, а этотъ то звѣрина большенный, — Афросинья говоритъ. Знать выдра. Злющія онѣ, выдры-то.

Сидимъ съ дѣдушкой на кухнѣ. Афросинья готовится къ пріѣзду гостей, разводитъ тѣсто для блиновъ. Ленька пошелъ за щу-чьей икрой, которую называетъ почему-то сиговой.

Дома у меня тепло. Въ комнатѣ сторожа, рядомъ съ кухней, спитъ здоровый, толстый баранъ съ густой черной шерстью, закручены большіе рога, глаза бѣлые. Домашній пріятель баранъ. Глупъ невѣроятно. Ъсть баранки сколько угодно и умѣетъ только бодаться: думаетъ, что это очень хорошо. Понтеръ Фѣзь любитъ барана, лежитъ у него подъ животомъ, спитъ—отъ барана тепло.

Вечеромъ пришелъ ко мнѣ охотникъ, крестьянинъ Герасимъ Дементьевичъ. Я былъ радъ, рассказалъ про звѣря.

— Выдра... — сказалъ Герасимъ.

— Охотники, говорю, пріѣдутъ изъ Москвы, Павелъ Александровичъ и другіе.

— Ничто, говоритъ Герасимъ. Только выдра чутка больно. Ружье чуеги. Зря быть. Куда ее?

— Герасимъ, говорю я, не надо ее убивать. Зачѣмъ? Пускай живетъ тутъ. Она должна быть, красивая.

— Какая красивая... Да что вы, Кинстин-

МАЛОКРОВІЕ

НЕВРАСТЕНІЯ, СЛАБОСТЬ

Сиропъ ДЕШЬЕНЪ на гемоглобинѣ
остановитель крови, рекоменд. луч. врач.

...Эдакій звѣрина, морда кошачья, усищи, самъ гладкій, лапы, какъ у гуся, а хвостъ — рыбій...

тинъ Лисичъ У ней морда — глядѣть невозможно; морщенная. Да бабѣ-то злючихъ не даромъ народъ выдрой зоветъ.

— Да теперь ее болѣе не увидишь, говорятъ дѣды. Афросинья ходила по воду, вечеромъ, а тамъ бабы съ вальками пришли, бѣлье полощутъ. Вотъ что.

— Значитъ, прѣдутъ друзья мои — скажутъ, что я ихъ обманулъ. Хотѣлъ показать имъ. А теперь ее напугали, полощутъ бѣлье.

— Погоди, Лисичъ, я ее покажу имъ. Я знаю. Попугаю изъ лѣсу, у берега нора есть, рыбки побросаю. Она пониже на быстринѣ живетъ, гдѣ рѣка не мерзнетъ. А въ прорубкѣ — это она охотилась, за рыбой лазила.

Масленица. Мы ужъ въ заботѣ о прѣздѣ гостей охотниковъ. Достали, что возможно: и щучей икры къ блинамъ. Ничего нѣтъ лучше угощать прѣтелей-друзей. Хлопотали до поздней ночи. Разбудили меня утромъ. Слышу на кухнѣ разговоръ. Прѣхали охотники. Я всталъ. Входятъ. Трутъ руки... Смотрятъ все на меня... Павелъ Александровичъ поднявъ руку, сказалъ:

— Если это твои шуточки и все ерунда — телеграмма тоже, — то мы не позволимъ: довольно пошлостей, шутокъ твоихъ! А если, говорилъ онъ, выпучивъ глаза и поднявъ черныя брови до причесанныхъ гладко волосъ, — если выдра есть, то здравствуй!

И онъ подошелъ, обнявъ, расцѣловался со мной и все другіе.

Отъ гостей пахло коньячкомъ. Все были веселы. Блины, разговоры. Говорили про бобровъ, нерпъ, росомахъ. Угощали тетку Афросинью, Феоктиста, Герасима, дѣдушку, Ленку. Рѣшили вечеромъ идти убивать выдру. Гофмейстеръ Павелъ Александровичъ и ихъ прѣтель, Хрѣновъ, страстный охотникъ, все легли спать. Василий Сергѣевичъ серьезно и задумчиво что-то мастерилъ. Шушукался съ Феоктистомъ на кухнѣ.

— Уберите, кричалъ, барана. Этотъ болванъ ничего не даетъ дѣлать, бодается. Тоже завели дурака себѣ. Его бы пора на плиту. Не я твой хозяинъ, говорилъ онъ барану, а то бы давно на котлеты пошелъ. Уберите его къ чорту.

Барана привязали на веревку.

— Никому не говорите, — тихо сказалъ мнѣ Кузнецовъ. — Я ее на крючокъ пой-

маю раньше ихъ. Поняли?

И онъ мнѣ показалъ огромный крючокъ, на которомъ сидѣла рыбина и, взявъ ружье, пошелъ съ Феоктистомъ на рѣку. Феоктистъ почему-то захватилъ вилы.

Охотники ждали вечера, такъ какъ Герасимъ сказалъ, что выдра выходитъ чуть свѣтъ или ночью. Охотники снаряжали патроны картелью и пулями и были все серьезны и со мной дѣловито. Шутокъ не было. Герасимъ ушелъ, сказалъ:

— Вернусь къ вечеру.

Сумерѣло. Пришелъ Герасимъ и говорить:

— Рано еще...

Охотники дожидались, сидѣли молча, говорили какъ-то о постороннемъ. Я спросилъ правда ли говорятъ, что Родзянко охотникъ? — Мнѣ ничего не отвѣтили. Изрѣда одинъ, другой изъ гостей, вставъ, подходилъ къ столу и дѣловито выпивалъ рюмку коньяку и опять садился и молчалъ.

— Пора, сказалъ Герасимъ.

Охотники одѣлись, взяли ружья. Когда вышли на крыльцо, Герасимъ сказалъ шопотомъ:

— Потихе. Курить нельзя.

Шли глубокими сугробами. Ноги въ валенкахъ уходили по колѣно въ снѣгъ. Под-

ходя къ рѣчкѣ, Герасимъ тихо, по одному, рассадилъ всехъ въ кустахъ берега подъ елями и ушелъ.

Лѣсъ угрюмо дремлетъ. Спускается ночь. Юпитеръ блеститъ на небесахъ, сія надъ лѣсомъ. Тишина. Медленно идетъ время. Темнѣетъ. Изъ проруби лѣзетъ звѣрь, ужасный. На мордѣ усы и на спинѣ щетина, длинный хвостъ. Быстро ползетъ къ бугру. Открылась канонада. Я даже не стрѣляю такъ удивленъ. — Невѣроятно, невидано! Чудовище! Звѣрь быстро ползъ вверхъ на бугоръ и пропалъ въ кустахъ за елями. Герасимъ выходитъ къ проруби. Идетъ по слѣду. Подходятъ охотники. Смотрятъ.

— Рanelъ, говоритъ Герасимъ.

Зажигаетъ свѣчку: на снѣгу пятна крови. Герасимъ беретъ свѣтъ — въ немъ кровь. Мнѣ какъ-то было тяжело: ранили звѣря.

— Не уйдетъ далеко, кричатъ охотники.

— Завтра утромъ найдемъ, говоритъ Герасимъ.

— Ну и звѣрина! удивляются охотники.

Василій Сергѣевичъ тянетъ шнурокъ у проруби, вытаращивъ глаза, и выбрасываетъ на снѣгъ большого налима.

— Какой восторгъ! говоритъ гофмейстеръ. Всюду звѣри!..

— Спасибо, говоритъ мнѣ Павелъ Алек-

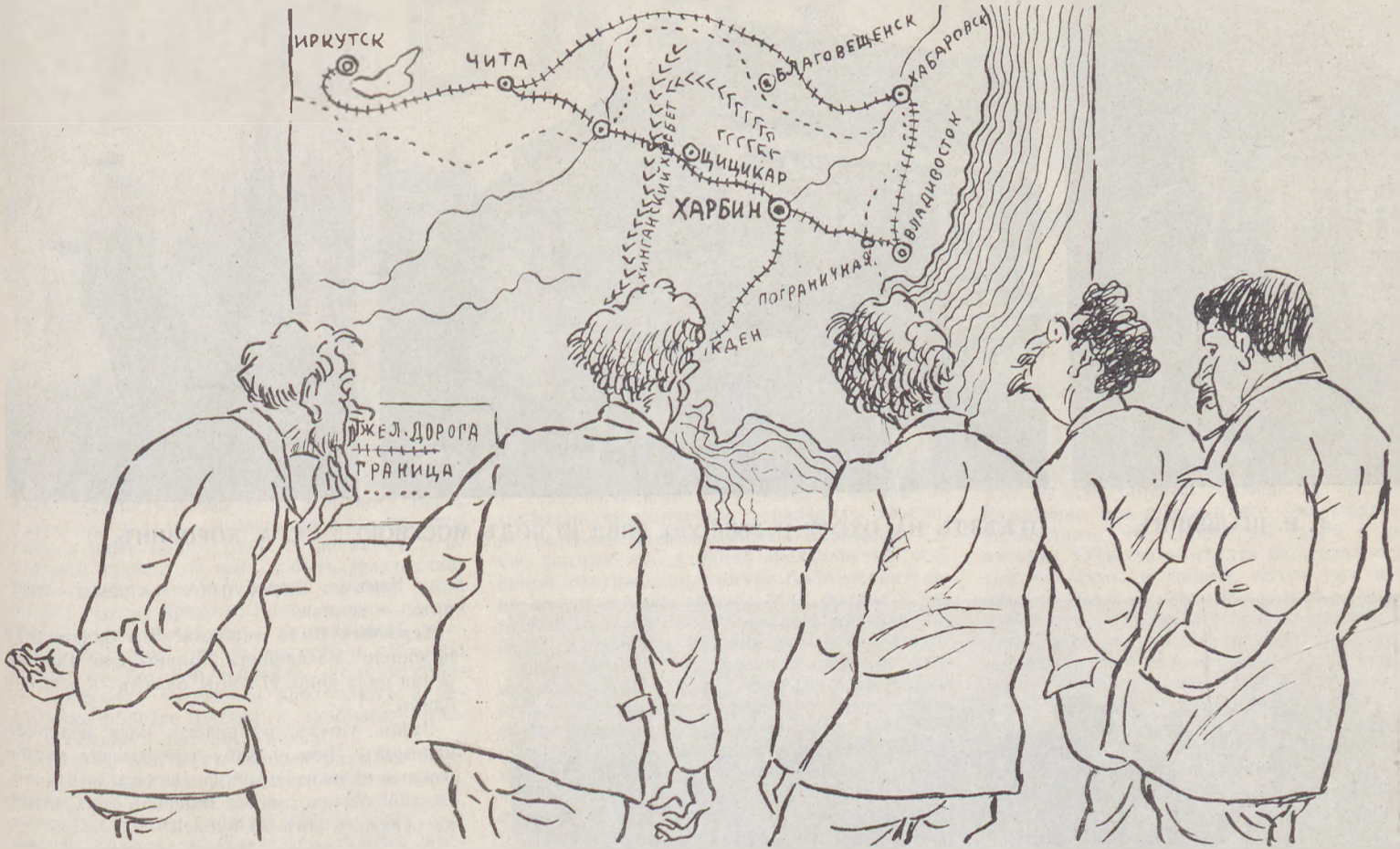

— Если это что ни что водяной ежи, а то звѣрина страшный...

ЗАЩИТА СССР

Рис. Мада.

Совѣтское правительство можетъ быть спокойно за свои дальневосточныя границы:

МАД

«Единый фронтъ» выступаетъ «въ Защиту СССР — противъ Японіи»... Въ Парижѣ, Лионѣ, Страсбургѣ, Лиллѣ, Калѣ, Гаврѣ, Бордо, Марселѣ и въ Сенъ-сюръ-Мерѣ!

Ф. И. ШАЛЯПИНЪ.

ОТЪЕЗДЪ НА ОХОТУ И РЫБНУЮ ЛОВЛЮ ПОДЪ МОСКВОЮ.

К. А. КОРОВИНЪ.

НАШИ ХУДОЖНИКИ НА ОХОТЪ

К. А. Коровинъ, С. А. Виноградовъ и В. С. Кузнецовъ въ подмосковномъ имѣніи.

сандровичъ и жметъ руку. Ага, это классъ... Какой чортъ. А? Я его пулей разь-разь. Не уйдешь, крикнулъ онъ, посмотрѣвъ на лѣсъ.

Охотники были веселы и довольны: уха изъ налима! Хрѣновъ говорилъ, что точь такого убилъ въ Сызрани на рѣкѣ, только хвостъ поменьше.

— Тамъ называется по другому, не выдра. Ее не ѣдятъ, рыбой пахнеть.

— Прекрасный будетъ коверъ изъ нея, говорилъ гофмейстеръ.

Всѣ были веселы. Хрѣнову велѣли выпить со мной на «ты». Павелъ Сучковъ говорилъ про меня, что я охотникъ и понимаю.

— Но только разныя штуки его — ерунда. Но какова вещь? А? Лѣзетъ прямо изъ воды. Понимаете. А? Я въ первый разъ вижу эту выдру.

— Поискать бы слѣдъ, да темно, говорить

Герасимъ. Мѣсяцъ на ущербѣ, да тучи находятъ.

Угощали Афросинью, Феоктиста, Герасима.

— Наслажденіе, говорилъ гофмейстеръ. Обстановка и все — поэзія! Напиши же пожалуйста эту картину, сказала онъ мнѣ.

Утромъ встали рано. Но за ночь пала порошь: потеряли слѣдъ. Пошли искать звѣря. Сдѣлали загонъ. Убили шесть зайцевъ, но звѣря нѣтъ. Въ удивленіи рассказывалъ гофмейстеръ, что тетеревъ вылетѣлъ у него изъ подъ лыжъ изъ снѣгу. Отъ неожиданности онъ пропуделялъ, но зато застрѣлилъ двухъ зайцевъ Убили глухаря и тетеревова. А Вася застрѣлилъ лисицу.

— Чернобурую... говорилъ онъ.

— Не чернобурая, отвѣчали ему.

— Какъ не чернобурая?.. А спина-то смотрите — темная.

Герасимъ былъ героемъ. Его задарили и подпоили Масленица... Блины ѣли. Вся деревня пила вино. И Фэбъ, баранъ — всѣ ѣли блины.

Звѣрь ушелъ, но ничего. Вася наловилъ палимовъ. Дичь и рыбу завертывали въ рогожные кульки. Герасимъ сказалъ мнѣ:

— А богатъ, знатъ, генераль-то. Смотри-ка отвалилъ мнѣ 25 рублей!

Всѣ уѣхали въ Москву довольные охотой.

*
**

Ранней весной я съ холстомъ, красками, мольбертомъ въ большомъ лѣсу за рѣчкой выбралъ мѣсто писать картину. Солнце... Весна... Зеленая ели и мутные кусты ольхи. А за ними свѣтлый разливъ рѣки и кое-гдѣ, въ ложбинахъ, горитъ ярко бѣлый снѣгъ, залитый весеннимъ солнцемъ. Синія тѣни. Какая жизнь, какая красота! Я быстро кладу краски на холстъ свѣтлыхъ пятенъ и голубыхъ тѣней и вижу въ кусту недалеко что-то лежитъ длинное, темное... Подошелъ. Вижу длинный холщевый мѣшокъ набитъ соломой. Впереди, гдѣ шире, вставлены ровные прутья съ двухъ сторонъ.

— Ахъ ты... Да вѣдь это звѣрь-выдра! Ахъ Герасимъ!..

Говорю Герасиму при встрѣчѣ:

— Ну и плутъ ты!..

И оба смѣемся.

— Какъ же это ты слѣдъ то... кровь вѣдь была?

— Да, отвѣчаетъ Герасимъ. Курья кровь-то... Я пузырекъ взялъ. А то не повѣрятъ Масленица... Скудные бѣ стали. А то каждый думалъ: я попалъ. Коврикъ ужъ готовили... Пуцай... Охота — звѣрь! — Весело.

— Какъ же ты это приспособилъ?

— Въ сараѣ шиль, съ Ленкой работали. Я тянуть — бичевку у васъ взялъ... долую, что черезъ рѣку ставили рыбу ловить съ лодки.

Нѣтъ ужъ больше моихъ друзей охотниковъ и не знали они, что ихъ обманулъ Герасимъ и въ обманѣ его они радовались, что видѣли выдру и впечатлѣнія отъ охоты унесли въ вѣчность.

Константинъ Коровинъ.

ПСОВАЯ

ОХОТА

Изъ воспоминаній стараго охотника

Счастливыи случай далъ мнѣ возможность нѣсколько разъ побывать въ Першино. Былъ тамъ на садкахъ, бывалъ на псовыхъ охотахъ и даже одинъ разъ въ дальнемъ отъѣздѣ полѣ, и не могу забыть этихъ славныхъ дней, этого отраженія совѣтъ иной жизни. Что за красота! Какое чудное наследіе нашихъ прадедовъ, оставившихъ русскому охотнику такую тонкую и сложную охоту, въ которой человекъ, конь и собака сливаются воедино и одолеваятъ и неумолимо-рѣзвато русака и злобнаго, умнаго и сильнаго матерого волка!

Когда я ѣхалъ въ первый разъ въ Першино — была осень. Чудная, золотая осень, когда такъ красивъ нашъ русскій пейзажъ, когда холодное, бирюзово-синее небо еще больше отбѣняетъ блескъ послѣдняго лѣсного убора, когда яркая зелень озимыхъ еще ярче кажется рядомъ со вспаханными полями. Безконечныя лиловыя дали, прорѣзанныя оврагами и кое-какъ разбросанными избами бѣдныхъ русскихъ деревень, разстланыя передо мною. Тройка довольно крѣпкихъ коней устало тянула по грязи мой экипажъ, ямщикъ лѣниво помахивалъ своимъ кнутикомъ, прикрикивалъ на лошадей и что-то бормоталъ про себя. Мы проѣхали уже около тридцати верстъ отъ Тулы по скверной дорогѣ, когда, на поворотѣ, на высокомъ бугрѣ, куда съ трудомъ втащили насъ измученныя лошади, мой возница вдругъ подбодрился и, указывая далеко впередъ, сказалъ: «Першино». Наконецъ, я увидѣлъ дворецъ имѣнія. Онъ рисовался своимъ красивымъ бѣлымъ фасадомъ на фонѣ вѣковою парка, стоя на высокомъ берегу рѣки Упы. Передъ нимъ была небольшая старинная церковь, а по бокамъ постройки и флигеля.

Переѣхавъ по деревянному мосту черезъ Упу, мой экипажъ почти шагомъ поднялся на высокій пригорокъ, миновалъ церковь, на простую, но красивую каменную ограду съ рѣшеткой, около которой ходилъ стражникъ, и, свернувъ, во дворъ, былъ на мѣстѣ.

Вечеромъ въ такъ называемомъ клубѣ, куда собираются всѣ ночью обѣда и гдѣ до поздней ночи льются бесѣды и рассказы о псовой охотѣ, борзыхъ, гончихъ, волкахъ, лисицахъ и зайцахъ, я узналъ, что на слѣдующій день назначена «наѣздка» — самый увлекательный видъ охоты.

Ночью немного прихватило морозцемъ и потому выѣздъ слегка запоздалъ. Ждали, чтобы подъ лучами холоднаго октябрьскаго солнца темнаго отошла земля — борзыхъ было-бы легче скакать. Въ десять часовъ мы вышли въ старый паркъ съ полуголенными липами и фруктовыми деревьями. Здѣсь насъ ожидали лошади. Мы выѣхали изъ воротъ сада и передъ нами на скошенномъ полѣ открылась живописная панора-

ма всей охоты, выстроившейся полукругомъ. У своихъ чалыхъ полукровокъ, стояло до тридцати борзятниковъ, держащихъ на сворѣ борзыхъ всевозможныхъ окрасовъ. Сухія, рослыя, съ длинной шелковистой псовиной эти граціозныя звѣри были удивительно красивы и живописны. Ихъ формы и окрасы придавали общей осенней картинѣ особенную прелесть, вносили что-то особенное.

Передъ нами разстлалось широкое скошенное поле; дальше кой-гдѣ были видны небольшіе острова березоваго лѣса, опять скошенныя или вспаханныя поля, заленѣющія озимыя, рѣдкія деревни, овраги съ одиночными березками... Охота растянулась въ линію чуть ли не больше версты, все время шагомъ двигаясь впередъ. Весело было смотреть на эту красивую картину. Масса всадниковъ, на сворахъ — стройныя, всѣхъ окрасовъ, борзыхъ, едва ступающія по землѣ, великолѣпный осенній пейзажъ, освѣщаемый блѣднымъ солнцемъ, и чудный воздухъ, легкимъ вѣтромъ несущійся навстрѣчу. Такъ мы двигались съ четверть часа, глядя далеко впередъ, осматриваясь по сторонамъ. Вдругъ вскопился передъ нами шагъ въ пятидесяти рѣзвый русакъ и, мелькая своими большими задними ногами, понесся, какъ стрѣла. Взвизгнуло нѣсколько собакъ, загановали ближайшіе всадники, удерживая рвущихся борзыхъ... Взгляды всѣхъ сосредоточились на все дальше и

дальше уходившемъ зайцѣ. Стелясь по самой землѣ, борзыхъ гнали за русакомъ. Разстояніе между ними все уменьшалось и видно было, что собаки въ ударѣ и зайцу не уйти. Онъ сталъ дѣлать неожиданно крутые повороты и собаки, почти уже висѣвшія на немъ и нѣсколько разъ готовыя взять его, — промахивались и, стараясь сдѣлать такой же крутой поворотъ, какъ онъ — падали. Я уже начиналъ думать, что русакъ уйдетъ, что измотавшіяся борзыхъ сладуть. Но вотъ, неожиданно, одна изъ нихъ, которая все время какъ-будто отставала, прибавила ходу, опередила другихъ и, сдѣлавъ отчаянный бросокъ, покатила черезъ голову, успѣвъ взять русака въ тотъ моментъ, когда онъ опять хотѣлъ свернуть. Подскакавъ борзятникъ, почти на галопѣ соскочилъ съ коня и, навалившись на зайца, прикрылъ его отъ страшныхъ собачьихъ зубовъ. Въ это время въ сторонѣ отъ насъ уже кто-то травилъ другого русака, но безуспѣшно. Матерой заяцъ легко уходилъ отъ своихъ преслѣдователей и новая подброшенная свора только сбита звѣря съ прямого луга, невольно направивъ его въ островъ, въ которомъ онъ и исчезъ. Бросившіяся туда же борзыхъ скоро вышли на зовъ борзятниковъ на опушку, ласково виляя своими роскошными правилами (хвостъ), какъ бы извиняясь за свою ошибку — за упущеннаго звѣря.

НА ЛАЗУ СО СВОРОЮ

Одна из них не хотѣла идти на свору и, дѣлая легкіе большіе скачки, точно играя, направилась къ другому борзятнику, который, соскочивъ съ коня, придержалъ ее.

Неожиданно одинъ изъ борзятниковъ, бывшій довольно далеко отъ насъ, остановился и поднялъ руку кверху.

— «Подозрили» — сказалъ ѣхавшій со мной рядомъ.

Борзятникъ поскакалъ. Я направился къ неподвижно стоявшему. Скоро осторожно подѣхалъ къ намъ молодой охотникъ и, несмотря на указанія «подозрившаго», никакъ не могъ разглядѣть плотно прижавшагося къ землѣ зайца. Смотрѣлъ во всѣ глаза и я — и не видѣлъ. Такъ съежился онъ и такъ по окраскѣ подходилъ подѣть сухой травы. Наконецъ, борзятникъ хлопнулъ своимъ арапникомъ по землѣ и не дальше пяти-шести шаговъ отъ насъ выскокнлъ русакъ и помчался назадъ. Взыгнули собаки, почти сорвались со своры и понеслись за нимъ совсѣмъ въ другую сторону отъ насъ. Но русакъ былъ матерой, опытный и, видимо, уже знакомый съ борзими. Онъ шелъ ровнымъ ходомъ, припускалъ, когда его почти настигали и все дальше и дальше уходилъ.

Понемногу собаки отстали. Растерянный, измученный онѣ не охотно шли на свору. Охотникъ былъ мраченъ.

Въ этотъ день въ полѣ было много русаковъ. Они поминутно выскакивали то здѣсь, то тамъ, все время заставляя охотниковъ быть на сторожѣ, чтобы не прозвѣвать, успѣть «показать» звѣря собакамъ и во-время спустить свору.

Охота на волковъ больше всего волнуетъ псовыхъ охотниковъ. Звѣрь сталъ рѣдокъ и къ тому же до крайности остороженъ и дерзокъ. Какъ ни хитрятъ съ нимъ опытные охотники-обкладчики, прекрасно изучившіе его натуру, волкъ, все-таки очень часто обманываетъ всѣхъ и уходитъ тогда, когда, кажется, что онъ уже въ рукахъ.

Было холодно, дулъ сильный вѣтеръ. Мы уѣхали верстъ за 15 отъ Першина, проѣхали нѣсколько селъ и деревень съ оригинальными старыми церквами, молодые дубовые лѣса въ чудномъ багряномъ уборѣ, какую-то со всѣхъ сторонъ закрытую усадьбу и приѣхали къ «острову», гдѣ долженъ былъ быть выводокъ въ четырнадцать волковъ. Еще раньше сюда привезли на полводахъ двѣ стаи гончихъ, тенета и собрали человекъ триста разнаго люда для облавы.

Полное время была полная тишина и только сильный вѣтеръ шумѣлъ въ пожелтѣвшей и покраснѣвшей листьѣ, да порой фыркалъ или позвякивалъ удилами застоявшійся конь. Падали дубовые листья, шуршали сухая трава... Такъ прошелъ часъ, полтора.

ПЕРЕДЪ ОХОТОЮ НА ВОЛКОВЪ

Своры М. А. и А. К.
Болдыревыхъ по до-
рогѣ на лазы.

Вдругъ откуда-то изъ далека донесся собачій лай... и опять все стихло. Я сидѣлъ, какъ прикованный къ сѣдлу, и смотрѣлъ въ лѣсъ. Не знаю почему, мой глазъ уставился въ одно мѣсто съ порѣдѣвшими кустиками. Тамъ показался маленькій темный силуэтъ собаки. Это было далеко отъ меня, такъ саженья въ двухстахъ, можетъ и больше. Она осторожно вышла, слегка поднимая свой толстый хвостъ, приподняла немного голову, точно потянула въ себя воздухъ, и потомъ увѣренно мелкой рысцой побѣжала впередъ. Это былъ волкъ. Онѣ бѣжалъ и все смотрѣлъ впередъ, а передъ нимъ въ открытомъ полѣ саженья въ ста,

своры борзыхъ. Нѣсколько разъ, прижавъ уши, волкъ поворачивалъ свою голову въ ту или другую сторону и каждый разъ какая-нибудь собака отскакивала, уступая мѣсто другой, болѣе злобной. Одна изъ нихъ — сухой красавецъ черной масти, вдругъ сильно поддалась впередъ и вѣзлась въ волчью шею съ правой стороны. Почти сейчасъ же схватила его слѣва другая и всѣ онѣ вмѣстѣ покотились на землю. Подоспѣли и отстала. Когда я подскакалъ, одинъ борзятникъ уже лежалъ на волкѣ, крѣпко придавливая его голову правой рукой, а другой, огоняя и отрывая отъ волка борзыхъ, доставалъ струнку*). Волкъ лежалъ, не шевелясь, и меня поразило его лѣвый глазъ съ неподвижнымъ, яснымъ, зеленоватымъ зрачкомъ и маленькимъ отверстиемъ посрединѣ. Онѣ не двигался, и, казалось, ничего не выражалъ или выражалъ полное равнодушіе. Борзятникъ старался палкой открыть его ротъ, чтобы вставить струнку, но волкъ крѣпко стиснулъ зубы и по-прежнему лежалъ подъ ними неподвижно. Наконецъ, его сострунили, связали ноги и два человекъ понесли его къ фурѣ.

Кругомъ ловили собакъ, брали ихъ на свору, садились на коней и, отѣзжая на свои мѣста, передавали другъ другу подробности.

Чистый звукъ призыва изъ серебрянаго рога говорилъ намъ, что охота кончилась и насъ ждетъ гдѣ-то, въ уютномъ мѣстѣ, вкусный завтракъ и доброе вино, за которымъ мнѣ, новичку, придется услышать много новыхъ и интересныхъ подробностей...

Н. К.

*) Небольшая палка съ длинной веревкой для обматыванія волчьей морды.

ЗАВТРАКЪ НА ПРИВАЛѢ

точно изваянія, на равномъ разстояніи другъ отъ друга, стояли охотники на лошадахъ, борзятники и насторожившіяся собаки съ поднятыми кверху ушами. Никто не двигался. Волкъ бѣжалъ прямо на одного изъ нихъ и смотрѣлъ. Потомъ остановился, поглядѣлъ направо и налево и, вдругъ, повернувшись, пошелъ такимъ же ходомъ назадъ.

Я ждалъ, что кто-нибудь бросится въ догонку, крикнетъ «улюлю», спустить свору — ничего подобнаго. Всѣ точно окаменѣли. Скоро волкъ исчезъ среди мелкаго березняка. Но мнѣ казалось, что онъ выйдетъ опять и теперь уже съ нашей стороны. И я не ошибся. Онѣ показался почти тамъ, гдѣ я его ожидалъ и, не торопясь, пошелъ прямо, но, дрогнувъ, повернулъ и бросился назадъ. Вслѣдъ за нимъ уже неслись, разстилаясь по землѣ, чернопѣгіе красавцы, борзятникъ и спущенный съ другой

АНЧАРЪ

РАЗСКАЗЪ.

Люблю гончихъ, но герпѣть не могу на-
кликать въ лѣсу, порскать, лазать по ку-
стамъ и самому быть, какъ собака. У меня
было такъ: пушу, а самъ чай кипятить, не
спѣшу даже когда и подыметъ, пью чай,
слушаю, и какъ пойму гонъ, перехватываю,
становлюсь на мѣсто — разъ и готово.

Я такъ люблю.

Была у меня такая собака Анчаръ. Те-
перь въ Алексѣевой сѣчѣ, откуда лощина
ведетъ на вырубку, — въ этой лощинѣ надъ
его могилой лѣсная пишига стоитъ...

Не я выходилъ Анчара. Привелъ разъ мнѣ
одинъ мужичокъ гончую, былъ это рослый,
статный кобель и на глазахъ очки. Спраши-
ваю.

— Краденый?

— Краденый, говоритъ, — только давно
было, зять щенкомъ изъ питомника укралъ,
теперь за это ничего не будетъ. Чистая по-
рода...

— Порода, — говорю, — самъ понимаю,
а какъ гоняетъ?

— Здорово.

Пошли пробовать.

И только вышли изъ деревни въ завору,
пустили, поминай, какъ звали, только по сѣ-
дой узоркѣ слѣдъ остался зеленый...

Въ лѣсу этотъ мужичокъ говоритъ мнѣ:

— Я что-то озябъ, давай грудокъ разведемъ.

«Такъ не бываетъ, думаю, — не смѣется
ли онъ надо мной?»

Нѣтъ, не смѣется, собираетъ дрова, под-
жигаетъ, садится...

— А какъ же, спрашиваю, — собака?

— Ты, — говоритъ, — молодъ, я старъ,
ты не видалъ такого, я тебя научу: о со-
бакѣ не безпокойся, она свое дѣло знаетъ,
ей дано искать, а мы будемъ чай пить.

И ухмыляется.

Выпили мы по чашкѣ.

— Бамъ.

Я такъ и рванулся.

Мужичокъ засмѣялся и спокойно налива-
етъ себѣ вторую чашку.

— Послушаемъ, — говоритъ, — что онъ
поднялъ.

Слушаемъ.

Густо лаеть, рѣдко и хлестко гонить. Му-
жичокъ понялъ:

— Лисицу мчить.

Мы по чашкѣ выпили, а тотъ ужъ версты
четыре пролетѣлъ. И вдругъ скололся. Му-
жичокъ въ ту сторону рукой показалъ,
спрашиваетъ:

— Тамъ у васъ коровъ пасутъ?

И вѣрно, въ этой сторонѣ пасутъ кара-
чуновскіе.

— Это она его въ коровій слѣдъ завела,
теперь онъ добирать будетъ. Вышдемъ еще
по одной.

Но недолго пришлось отдохнуть лисицѣ,
опять схватилъ сѣвѣй слѣдъ и закружилъ
на малыхъ кругахъ, видно была мѣстная.
И какъ на малыхъ кругахъ пошелъ, мужи-
чокъ чай пить бросилъ, грудокъ залить,
раскидалъ ногами и говоритъ:

— Ну, теперь надо поспѣвать.

Бросились перехватывать на полянку пе-
редъ лисьими норами. Только разставились,
и она тутъ на полянѣ, и кобель у нея на
хвостѣ. Трубой она ему показала въ болото,
онъ же не повѣрилъ — тяпъ за шею, она
— вѣю! и готово: лисица, — и онъ рядомъ
ложится, лапу зализывать.

Его звали глупо: «гончаръ», я же на ра-
дости крикнулъ:

— Анчаръ.

И такъ пошло посятъ: Анчаръ и Анчаръ.

Сердце охотничье вы знаете, какъ рас-
крывается? Знаете утро, когда морозъ на
травѣ и передъ восходомъ солнца туманъ,
потомъ солнце восходитъ и мало-по-малу
туманъ сдвигается, и близко то, что было
туманъ, стало синимъ между зелены-
ми сѣями и золотыми березками, да такъ
вотъ и пошло все дальше и дальше синѣть,
золотиться, сверкать. Такъ суровый ок-
тябрьскій день открывается и точно такъ
открывается сердце охотничье: хлебнулъ
мороза и солнца, чхнулъ себѣ наздоровье
и каждый встрѣчный человѣкъ сталъ тебѣ
другомъ.

— Другъ мой, — говорю мужичку, — по
какой бѣдѣ ты собаку такую славную за
деньги отдаешь въ чужія руки?

— Я въ хорошіе руки отдаю собаку, —
сказалъ мужичокъ, — а бѣда моя крестьян-
ская: корова зелеными морозцу хватила, раз-
дулась и околѣла, корову надо купить, безъ
коровы нельзя крестьянину.

— Знаю, что нельзя, жалъ мнѣ очень те-
бѣ. А что же ты просишь за собаку?

— Корову же и прошу, у тебя двѣ, отдай
мнѣ свою пеструю.

Отдашь я за Анчара корову.

Эхъ, и была же у меня осень, въ лѣсу не
накликаю, не порскаю, не колю глаза су-
чьими, хожу себѣ тихо по дорожкамъ, лю-
буясь, какъ изо дня въ день золотѣютъ де-
ревья, бываетъ, рябцами займусь, намну
грозокъ, насвистываю и они ко мнѣ по троп-
камъ сами бѣгутъ. Такъ прошло золотое
время, въ одно крѣпкое морозное утро,
солнце взошло, пригрѣло и въ полдень весь
листь на деревьяхъ осыпался. Рябчикъ на
манокъ пересталъ отзываться. Пошли дожди,
запрѣла листва, наступилъ самый печаль-
ный мѣсяць ноябрь.

Вотъ нѣтъ этого у меня, чтобы шайками
въ лѣсѣ на охоту ходить, я люблю итти въ
лѣсу тихо съ остановками, съ замираніемъ
и тогда всякая звѣрушка меня за своего
принимаетъ, всякую такую живность очень
люблю я разглядывать, всему удивляюсь и
быть только что мнѣ положено. И это мнѣ
хуже всего, когда шайками въ лѣсу идуть,
гамать и бьютъ все, что попадетъ. Но бы-
ваетъ, какой-нибудь согласный пріятель, по-
нимающий охотника явится — люблю про-
водить его, другое это удовольствие, а то же
хорошее: хорошему человѣку до смер-
ти радъ. Такъ пишеть мнѣ въ началѣ но-
ября изъ Москвы одинъ охотникъ, просится
со мной погонять, вы все знаете этого охот-
ника, не буду его называть. Конечно, я
очень ему обрадовался, описалъ ему, и въ

ночь подъ седьмое онъ ко мнѣ является.

И вотъ нужно же такъ: передъ этимъ
легъ было славный зазимокъ и какъ разъ
подъ седьмое растаялъ: грязно, мороситъ
мелкій холодный дождикъ. Всю ночь я не
спалъ, безпокоился, какъ бы дождикъ не
помѣшалъ и не смылъ ночные слѣды. Но
счастливо вызвѣздило послѣ полуночи и къ
утру зайцы славно набѣгали.

До разсвѣта, при утренней звѣздѣ, мы
чаю написались, наговорились, и когда заго-
лубѣло въ окнѣ, вышли съ Анчаромъ на ру-
саковъ.

Озимый клинъ въ эту осень начинался у
самой деревенской заворы, была озимь въ
ту осень густая, тугая, сочно зеленая, хотъ
самъ фшь. И русакъ на этой озими такъ на-
бѣдался, вы не повѣрите, сало внутри висѣ-
ло, какъ виноградъ, и я почти по фунту съ
русака надиралъ. Весело взялъ Анчаръ
слѣдъ, покружилъ, разобрался въ жирокѣ
и пошелъ прямымъ ходомъ на лежку. Въ
лѣсу въ это время капель, шерохъ, этого ру-
сакъ очень боится, выбирается и ложится у
насъ на вырубкѣ противъ Алексѣевой сѣчи.
И какъ я понялъ Анчара, что онъ съ зеле-
ней пошелъ на вырубку, скорѣй на пустошь
къ лощинѣ: съ вырубки русаки непременно,
это, лощиной бѣгутъ. На первое мѣсто я по-
ставилъ пріятеля, у края оврага, самъ же
сталъ по другой сторонѣ, и ему не видно ме-
ня, а мнѣ онъ весь, какъ на ладони.

Планъ, конечно, и на охотѣ необходимъ,
но только рѣдко по плану приходится.
Ждемъ, пождемъ, нѣтъ гона и Анчаръ, какъ
провалился.

— Сережа, — кричу я, — потруби Анчара.

Свой охотничій рогъ я ему отдалъ, онъ
большой мастеръ трубить и любить. И
только взялся Сережа за рогъ, гляжу Ан-
чаръ къ намъ бѣжитъ по лощинѣ. Сразу я
понялъ по его походкѣ, онъ тѣмъ же са-
мымъ слѣдомъ бѣжитъ и еще понялъ, что
того русака лисица или сова перегнали съ
лежки, онъ прошелъ уже лощину и Анчаръ
его добираетъ. Вотъ когда онъ поравнялся
съ моимъ пріятелемъ, гляжу тотъ поднима-
етъ ружье и прицѣливается...

И ничего бы не было, если бы въ ту ми-
нуту я вспомнилъ, что какъ разъ съ этого
самого мѣста разъ я самъ въ человѣческую
голову цѣлился и только вотъ чуть-чуть не
убилъ: лощиной шелъ человѣкъ въ заячь-
ей шапкѣ, мнѣ была только шапка видна и
вотъ только бы курокъ спустить, вдругъ
вся голова показалась. Мелькни мнѣ это въ
памяти, я понялъ бы, что сверху видна толь-
ко шерсточка, крикнулъ бы и остановился.
Но я подумалъ — пріятель мой просто ба-
луется, это постоянно бываетъ у городскихъ
охотниковъ, какъ у застоялыхъ коней.

Думалъ шутить и вдругъ — баць!

Было тихо, дымъ весь палъ въ лощину
и все застелилъ.

Обмеръ я и сразу вспомнилъ, какъ съ то-
го мѣста самъ въ человѣческую голову
чуть-чуть не выстрѣлилъ.

Синій дымъ легъ на зеленую лощину,
жду я, жду и мгновенья проходить, какъ
годы и нѣтъ Анчара, нѣтъ изъ дыма не вы-
шелъ Анчаръ. Какъ разсѣялось, вижу спить
мой Анчаръ на травѣ вѣчнымъ спомъ, на
зеленой травѣ, какъ на постели.

Съ высокихъ деревьевъ на малые капа-
ютъ тяжелыя осеннія капли, съ малыхъ —
на кустики, съ кустовъ — на траву, съ тра-
вы — на землю: печальный шопотокъ сто-
итъ въ лѣсу и стихаетъ только у самой зем-

МЕДВѢЖИЙ СЛѢДЪ

лит; тихо принимаетъ въ себя земля всѣ слезы...

— А я на все сухими глазами смотрю.
«Ну, что же, — думаю, — бываетъ и хуже, и человѣка по случаю убиваютъ».

Перегорѣлый я человѣкъ, скоро съ собой справился и ужъ стало у меня складываться, какъ бы лучше мнѣ сдѣлать пріятелю, поласковѣй съ нимъ обойтись, знаю, вѣдь, не лучше ему, чѣмъ мнѣ и на то мы охотники, чтобы горе умыть радостью. Въ Цыгановѣ самогонка живетъ въ каждой избѣ, такъ я и рѣшилъ, итти въ Цыганово и все замѣть. Самъ думаю такъ, а самъ смотрю на пріятеля и удивляюсь: сошелъ внизъ, поглядѣлъ на убитаго Анчара, опять сталъ на мѣсто, и стоитъ себѣ, будто все еще гона ждетъ.

Въ чемъ же тутъ штука?

— Гопъ! — кричу.

Огозвался.

— Ты въ кого стрѣлялъ?

Помолчалъ.

— Въ кого. — кричу, — ты стрѣлялъ?

Отвѣчаетъ.

— Въ сову.

Оторвалось у меня сердце.

— Убилъ?

Отвѣчаетъ:

— Промазалъ:

— Серега! — кричу.

— Ну?

— Потруби Анчара.

Гляжу, схватился Серега за рогъ и остановился. Сдѣлалъ шагъ въ мою сторону: видно, стыдно стало, шагнулъ другой разъ и задумался.

— Ну, же, — кричу, — потруби!

Онъ опять беретъ за рогъ.

— Скорѣй, — кричу, — скорѣй!

Къ губамъ рогъ приставляетъ.

— Да, ну же, ну...

И затрубилъ.

Сажу я на камнѣ, слушаю, какъ пріятель трубитъ и страшной челухой занимаюсь: вижу вотъ какъ ворона за ястребомъ говитъ и думаю, почему же онъ ей не дастъ по

затылку, ему бы только разъ тукнуть. Съ такими думами можно на камнѣ сколько угодно сидѣть. И тутъ же коломъ стоитъ вопросъ о самомъ человѣкѣ: почему ему нуженъ обманъ? смерть есть конецъ, все кончается, такъ просто и зачѣмъ то всѣмъ надо трубить? Вотъ убита собака, никакой охоты у насъ быть не можетъ и самъ же онъ собаку застрѣлил и знаетъ онъ, — человѣкъ я, не бедѣлушка, съ него не взыщу, и слова попрека не скажу...

Кого онъ обманываетъ?

Прошло уже порядочно времени. Вижу, пріятель мой умирится трубить и стоять присаживается.

Кричу ему:

— Сережа!

Неохотно такъ отзывается:

— Что тебѣ?

— Потруби еще!

И видно ему очень все надоѣло: просить:

— Дай отдохнуть.

— Ну, отдохни.

Проходитъ время; не знаю сколько, мнѣ какъ-то все равно. Опомнился я и кричу:

— Потруби еще!

Онъ дунулъ, не выходитъ звука, кричитъ мнѣ:

— Рогъ забился.

— Ну, ладно, — отвѣчаю, — сейчасъ я самъ приду, поправлю.

Онъ такъ и подпрыгнулъ, вскочилъ и какъ затрубилъ, какъ затрубилъ!

Помню разъ шесть я такъ его заставлялъ, пока не зазнобило меня отъ сырости.

— Довольно трубить, — кричу, — иди-ка сюда.

Подходитъ ко мнѣ весь то зеленый, въ глаза не глядитъ. Спрашиваю:

— Ты не помнишь, какъ былъ Анчаръ, въ ошейникѣ или такъ?

— Кажется, — говоритъ, — въ ошейникѣ.

— Ну, вотъ, теперь все объясняется: если забылъ ошейникъ снять, то навѣрно онъ прыгнулъ въ лѣсу, зацѣпился за сукъ и повисъ, такъ бываетъ.

Сережа очень обрадовался, повеселѣлъ и говоритъ:

— Что очень возможно, такъ часто бываетъ.

— Вотъ, — указываю, — иди ты по этой тропинкѣ, она тебя въ Цыганово приведетъ, мы тамъ съ тобой выпьемъ, иди туда и потрубливай, все потрубливай, я же буду въ лѣсу ходить и слушать, не выкнегъ ли гдѣ-нибудь Анчаръ на трубу.

— Да ты, — говоритъ, — возьми рогъ и самъ труби.

— Нѣтъ, — отвѣчаю, — не люблю я трубить, у меня отъ этого въ ушахъ звукъ остается, ничего не слышу, а тутъ надо слушать малѣйшее.

Оробѣлъ онъ и спрашиваетъ нерѣшительно:

— А ты самъ куда пойдешь?

Я показалъ въ сторону, гдѣ Анчаръ лежитъ.

«Ну, думаю, дѣваться теперъ ему некуда, сейчасъ признается. И вотъ нѣтъ же, говоритъ:

— Въ ту сторону я тебѣ итти не совѣтую, тамъ и деревьевъ нѣтъ, въ кусту онъ не можетъ повѣситься».

— Хорошо, — отвѣчаю, — я вонъ, туда пойду. А ты, пожалуйста, не забывай, все потрубливай и потрубливай.

Какъ сказалъ я, что въ другую сторону пойду, очень онъ обрадовался и затрубилъ и такъ ему надо версты три все трубить и трубить.

«Нѣтъ, говорю ему вслѣдъ, на живыхъ началахъ много бываетъ чудесъ, а на мертвыхъ концахъ чудесъ не случается: не отзовется Анчаръ. Оттого настоящій охотникъ смотритъ прямо въ глаза и говоритъ: выпьемъ, другъ, все кончилось».

Да, кого онъ обманываетъ?

У меня за поясомъ всегда маленькій топорикъ для всякаго случая, отрубилъ я имъ конецъ у сушницы, вытесалъ вродѣ лопаты и выкопалъ яму, въ мягкой землѣ. Уложилъ Анчарушку въ яму, холмикъ насыпалъ, нарѣзалъ дерну, обложилъ. На гари былъ у меня примѣченъ чертикъ изъ обгорѣлаго дерева, въ сумеркахъ онъ очень нашихъ бабъ пугаетъ и всѣ зовутъ его ш и ш и г о й. Сходилъ я на гари, приволокъ эту ш и ш и г у, и поставилъ Анчару памятникъ.

Стою, люблюсь на чорта, а Сережа все трубитъ, трубитъ.

Кого ты, Сережа обманываешь?

Мороситъ дождикъ мелкій, холодный. Съ высокихъ деревьевъ падаютъ тяжелыя капли на малыя, съ малыя на кусты, съ кустовъ — на траву и съ травы — на сырую землю. Во всемъ лѣсу шепотокъ стоитъ и выговариваетъ: мыши, мыши, мыши... Но тихо принимаетъ въ себя мать-земля всѣ слезы и наливается ими, все наливается...

Стало мнѣ такъ, будто всѣ дороги на свѣтѣ въ одинъ конецъ сошлись и на самомъ концѣ стоитъ лѣсной чортъ на собачьей могилѣ и съ такимъ уваженіемъ на меня смотритъ.

И сказать я рѣчь надъ могилой и что сказать — нотаю.

Послѣ того стало мнѣ на душѣ покойно, прихожу въ Цыганово.

— Перестань, — говорю, — Сережа, трубить, все кончено, я все знаю. Кого ты обманываешь?

Онъ побѣлѣлъ.

Выпили мы съ нимъ, заночевали въ Цыгановѣ. Охотника этого всѣ знаютъ, я не стану его называть.

Мих. Пришвинъ

ОХОТА НА ДИКАГО КАБАНА

ВЪ НОВОЙ ЗЕЛАНДІИ

Если спросить средняго ново-зеландскаго спортсмена, какой спортъ ему больше всего нравится, сильнѣе всего возбуждаетъ и волнуеъ его, заключаая въ себѣ тотъ элементъ опасности, который такъ цѣнить настоящей охотникъ, то въ девяти случаяхъ изъ десяти онъ отвѣтитъ, не задумываясь, что любить больше всего охоту на «капитана Кука» или дикаго кабана, водящагося въ лѣсахъ и нагорномъ хворостникѣ.

Охота на дикаго кабана всегда и вездѣ считалась самымъ интереснымъ спортомъ, но условия и обстановка этой охоты на Новой Зеландіи придають ей крайне своеобразныя черты, какъ нельзя лучше характеризующія эту страну.

Въ какой бы странѣ ни встрѣчался кабанъ, съ спортсменской точки зрѣнія онъ долженъ быть признанъ самымъ смѣлымъ животнымъ; онъ также горячо стремится въ бой, какъ тигръ, и выказываетъ въ немъ, пожалуй, даже больше истинной отваги, чѣмъ это свирѣпое животное.

Видъ настоящаго матерого «капитана Кука», стоящаго въ оборонительной позѣ, прикрытаго сзади непролазной лѣсной чащей или защищеннаго сбоку острымъ скалистымъ выступомъ, когда онъ съ налитыми кровью, грозно горящими глазами, низко опущенной страшной головою, обнаженными клыками и залитыми пѣной челюстями держитъ въ почтительномъ отдаленіи собакъ и людей, способенъ вполне удовлетворить искателя самыхъ сильныхъ ощущений.

Свинья не водилась въ Новой Зеландіи. Она была привезена впервые въ южную моря знаменитымъ капитаномъ Кукомъ. Во второй половинѣ восемнадцатаго столѣтія онъ подарилъ своимъ друзьямъ маорійцамъ двѣ пары племенныхъ свиней изъ Англіи, давъ наставленіе пустить ихъ гулять на свободѣ въ пустынной странѣ, предоставивъ имъ плодиться и множиться.

Приказаніе было исполнено въ точности, какъ людьми, такъ и животными. Эти первыя четыре свиньи своей плодovitостью уступали только кроликамъ, появившимся позже, и скоро такъ размножились, что были оставлены безъ всякаго надзора многочисленными прибрежными жителями маорійцами, которые были слишкомъ заняты, убивая другъ друга недавно привезенными ружьями и не смотрѣли за свиньями.

Вывравшись на волю, свиньи переселились внутрь страны, гдѣ основали самостоятельныя колоніи и, благодаря обильному корму, въ непродолжительномъ времени распространились большими стадами во всей пустынной части острова, владѣніе которой долго оспаривали у первыхъ бѣлыхъ поселенцевъ.

Возненавидѣвшіе ихъ первые колонисты прозвали, можетъ быть, въ насмѣшку, дикую свинью «капитаномъ Кукомъ» въ честь знаменитаго кругосвѣтнаго мореплавателя.

Позже стада дикихъ свиней увеличились, благодаря появленію животныхъ изъ другихъ источниковъ. Примѣру капитана Кука послѣдовали и другіе любители свиной породы. Первые путешественники были, по видимому, охвачены какой-то маіей акклиматизации свиней. Шкиперы китоловныхъ судовъ изъ Англіи и Америки въ первые годы прошедшаго столѣтія высаживали на берегъ и отпускали на всѣ четыре стороны

однигъ грузъ племенныхъ свиней за другимъ.

Это ихъ, очевидно, забавляло, но свиньи скоро оказались силой, съ которой пришлось считаться первымъ колонистамъ. Отъ нихъ страдали посѣвы и стада. Съ появленіемъ овецъ онѣ стали безъ стѣсненія охотиться на ягнятъ, принадлежащихъ колонистамъ.

Раздосадованные поселенцы соединились для защиты отъ общаго врага. А послѣдній такъ серьезно угрожалъ благосостоянію колонистовъ, что возникли цѣлыя общества для истребленія этого бича. Всѣ мужчины, способные носить оружіе, принимали участіе въ войнѣ, а государство платило по шести пенсовъ за хвостъ каждой убитой свиньи.

Читателю, незнакому съ условиями жизни, существовавшими въ обширныхъ пустынныхъ странахъ при ихъ заселеніи, все это можетъ показаться «рассказнями путешественника». Чтобы убѣдиться, какую важную роль играли дикія свиньи въ экономической жизни страны, надо только ознакомиться съ колоніальными архивами той эпохи.

Сохранилось прошеніе нѣкоего Окслея, иначе Гранца, поданное въ Отагскій судъ. Это было ходатайство о вознагражденіи за убытки, причиненные потерей и полнымъ исчезновеніемъ стада изъ четырехъ тысячъ ягнятъ, порученнаго гуртовщику для продажи. Защита возражала, что въ то время какъ гуртовщикъ гналъ ягнятъ на рынокъ, съ горь спустились дикія свиньи и пожрали все стадо! Послѣ судебного разбирательства, продолжавшагося нѣсколько дней, судъ присяжныхъ оправдалъ обвиняемаго, найдя, что онъ не имѣлъ возможности спасти ягнятъ, погибшихъ по «волѣ Провидѣнія». Протоколы этого удивительнаго дѣла сохранились.

Свиньи стали переводиться, тѣснямыя надвигающимися волнами поселенія, и спортсменъ долженъ отправиться въ дикія, ненаселенныя мѣста, гдѣ кабанъ все еще встрѣчается въ изобиліи.

Дикій новозеландскій кабанъ, водящійся во внутреннихъ частяхъ острова, происходитъ отъ разныхъ предковъ, принадлежащихъ къ числу домашнихъ животныхъ; онъ приобрѣлъ нѣкоторыя отличительныя черты дикаго животнаго на свободѣ.

Поджарый, длинномордый, длинноухій, съ подтянутыми боками, свирѣпый, ехидный, плотоядный, когда къ тому представляется случай, въ добрыхъ три фута вышины въ плечахъ, покрытый рыжеватой-бурой шерстью и темно-сѣрой щетиной, съ острымъ выдающимся хребтомъ, съ крѣпкой, какъ желѣзо, кожей, съ острыми клыками въ восемь дюймовъ длины и въ триста фунтовъ вѣса, кабанъ является противникомъ, который требуетъ всего искусства и неустрашимости охотника.

Кабаны, встрѣчающіеся въ пустынныхъ областяхъ внутренней части острова, по всей вѣроятности, никогда не видѣли человека и не имѣютъ никакого понятія о смертоносномъ оружіи его, а потому отнюдь не выказываютъ страха. Въ большинствѣ случаевъ онъ бросается въ борьбу съ горячностью, не уступающій пылу самаго охотника.

Лошадей для этого спорта не требуется. Мое первое знакомство съ «капитаномъ

Кукомъ» произошло давно. Встрѣча была совершенно непредвидѣнная и хотя вначалѣ содержала элементы настоящей трагедіи, подъ конецъ приняла въ высшей степени комической характеръ. Разсказъ объ этомъ происшествіи нельзя назвать охотничьей исторіей въ точномъ смыслѣ слова, но такъ какъ оно типично даже въ настоящее время для жизни въ нѣкоторыхъ дикихъ, захолустныхъ уголкахъ, то его стоитъ разсказать.

Однажды я предпринялъ вмѣстѣ съ однимъ товарищемъ развѣдочную экспедицію въ горы въ качествѣ золотоискателя. Лагерь нашъ лежалъ далеко отъ соприкосновенія съ послѣдними признаками цивилизаціи. Мы захватили съ собою припасовъ на два мѣсяца, но какъ-то такъ случилось, что у насъ неожиданно вышелъ запасъ, и мы остались безъ мяса.

Въ окружающемъ хворостникѣ и заросшихъ кустами оврагахъ было сколько угодно дикихъ свиней: захвативъ съ собою устарѣлое кремневое ружье и складной ножъ, изъ которыхъ состояло все наше вооруженіе, мы отправились въ путь, чтобы пополнить свою кладовую для състныхъ припасовъ запасомъ свѣжей свинины.

Наши мечты были, конечно, очень скромны и не шли дальше чего-нибудь невиннаго и слабосильнаго — въ родѣ полугодоваго поросенка или небольшой свинки. Мы не собирались охотиться и даже не имѣли желанія встрѣтиться съ сильнымъ старымъ кабаномъ. Полагаясь на свое счастье, мы надѣялись добыть, что намъ требовалось, безъ боя. При нашемъ вооруженіи и безъ собакъ о серьезной схваткѣ не могло быть рѣчи.

На маленькой открытой прогалинкѣ посреди густой растительности намъ попалось три или четыре поросенка и молодыхъ свинки, очевидно, отставшихъ отъ стада, недавно прошедшаго въ этомъ мѣстѣ. Пробравшись осторожно въ обходъ сквозь густой хворостникъ и неожиданно набросившись на нихъ, мы успѣли убить чудесную молоденькую свинку, не привлекая къ себѣ вниманія какого-нибудь стараго кабана, который могъ бродить поблизости.

Поспѣшно разрубивъ мясо и уложивъ его въ мѣшки, мы взвалили ихъ на плечи и пустились обратно въ свой лагерь. Путь нашъ лежалъ по дну оврага, въ полувысохшемъ рѣчномъ ложѣ. Въ одномъ мѣстѣ дорога шла кругомъ, черезъ вершину выдающейся скалы, и, выбравшись изъ рѣчнаго ложа, мы стали карабкаться гуськомъ по узкой тропинкѣ. Ниже тропинки былъ обрывъ въ шестьдесятъ футовъ глубины, выше поднималась отвѣснымъ обрывомъ поверхность утеса.

Помню, что мы съ наслажденіемъ подумывали объ ожидающемъ насъ ужинѣ. Джимъ Блекъ только что успѣлъ сообщить мнѣ, какъ слѣдуетъ поджаривать свинныя котлеты.

Вдругъ изъ-за ближняго выступа скалы выбѣжалъ намъ навстрѣчу огромный кабанъ, показавшійся намъ величиною съ цѣлый домъ. Онъ замедлил шагъ, остановился въ изумленной позѣ шаговъ за десять отъ насъ, поднялъ къверху свою морду съ длинными, обнаженными клыками, и протянулъ ноздрями воздухъ съ хитрымъ видомъ. Вѣтеръ донесъ до него запахъ мяса,

Джимъ съ кабаномъ вертѣлся въ лужѣ.

и онъ почуялъ остатки убитой свиньи. Глаза его загорѣлись и налились кровью; шетина на спинѣ поднялась, точно зубья грабеля. Видъ его былъ грозенъ и способенъ на всякаго навести страхъ.

Свернуть съ узкой тропинки ни человеку, ни звѣрю было некуда. Отступить назадъ мы не могли, а кабанъ собирался двинуться впередъ. Мы молча сняли съ плечъ свои мѣшки, спустили поклажу на землю и приготовились къ самому худшему.

— Вотъ такъ оказія! — пробормоталъ Джимъ у меня за спиною и въ тотъ же мигъ отважно выпалилъ изъ своего стараго мушкета. Зарядъ прогремѣлъ по кожѣ кабана, точно градъ по желѣзной крышѣ, и затѣмъ звѣрь ринулся на насъ, подобно тарану.

Я быстро вскарабкался на корень дерева, нависшій надъ моей головою, между тѣмъ какъ подъ моими подобранными ногами земля дрожала точно во время землетресенія. Послышался крикъ, стукъ камней, шумъ паденія тяжелыхъ тѣлъ и, оглянувшись назадъ, я успѣлъ увидѣть, какъ Джимъ съ кабаномъ скатились стремглавъ съ крутого откоса и скрылись въ глубинѣ невидимой лужи, откуда скоро послышались оглушительный плескъ воды и крики.

Цѣплясь за корни и кусты, я сползъ коекакъ внизъ, раздвинувъ руками вѣтви и отшатнувшись назадъ въ невыразимомъ изумленіи. Въ срединѣ пѣнящейся лужи, имѣвшей около шести футовъ глубины, вертѣлись и кружились съ неимоверной быстротою Джимъ съ кабаномъ. Сцена была такъ забавна, что я не могъ удержаться отъ смѣха и, глядя на нихъ хохоталъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, держась за бока.

Джимъ крѣпко ухватился руками за заднія ноги каабна, держась за нихъ на подобіе рукоятокъ тачки. Тѣмъ временемъ звѣрь, волоча за собою Джима, плавалъ кругомъ и визжалъ во всю мочь, напрасно стараясь обернуться и растерзать его.

Отъ времени до времени Джимъ съ проклятемъ, прерывавшимся на половинѣ, скрывался подъ водою. Кабанъ также по минутно захлебывался, заливаясь пронзительнымъ визгомъ, когда Джимъ поднималъ кверху его заднія ноги.

Джимъ вдругъ увидѣлъ меня.

— Что вы хлопаете глазами, какъ сова, — крикнулъ онъ. — Убейте его скорѣе! А иначе я...

Конецъ его фразы заглушилъ плескъ воды, въ глубинѣ которой снова исчезла его рыжая голова. Вытянувъ руки, я схватилъ Джима за плечи и быстро вытащилъ его на твердую землю, прежде чѣмъ изумленный кабанъ успѣлъ обернуться и пустить въ ходъ свои клыки.

Скалистые края прудка были слишкомъ высоки, чтобы животное могло выкарабкаться изъ воды безъ посторонней помощи, такъ что мокрый кабанъ продолжалъ плавать кругомъ, отчаянно визжа, межъ тѣмъ какъ мы сидѣли на берегу и думали, какъ намъ его убить. Старое ружье лежало на днѣ миніатюрнаго прудка. Мы не могли приблизиться къ нему настолько, чтобы нанести ему сильный ударъ ножомъ и потому, наконецъ, рѣшили, побить его камнями изъ рѣки. Способъ этотъ былъ, конечно, недостойнъ настоящаго охотника, но у насъ не было другого. Не могли же мы предоставить ему тонуть въ лужѣ, выбившись изъ силъ. Мы сомнѣвались, будетъ ли онъ намъ благодаренъ, если мы поможемъ ему выкарабкаться на берегъ, прикончить же его иначе не имѣли возможности.

Во время охоты на «капитана Кука» дѣло кончается большею частью рукопашнымъ боемъ. Опытные охотники, отказавшись отъ ружья и рогатины, какъ бесполезнаго оружія, предпочитаютъ выходить на кабана только съ ножомъ и томагавкомъ — оружіемъ, которымъ можно пользоваться съ успѣхомъ въ тѣсномъ пространствѣ среди непролазной чащи кустовъ. Револьверъ, тяжелаго калибра для непредвидѣнныхъ случайностей дополняетъ снаряженіе охотника.

Особенно же необходимымъ условіемъ успѣха являются двѣ хорошо натасканныя собаки

Обязанность собакъ состоитъ въ томъ, чтобы схватить кабана съ каждой стороны за длинныя уши и, стиснувъ ихъ, какъ клещами, прижавшись къ его бокамъ, не давать ему освободить голову и пустить въ ходъ клыки.

Такимъ образомъ собаки должны держать кабана до той поры, пока одинъ изъ охотниковъ не проберется, чтобы нанести звѣрю мѣткій ударъ, который слѣдуетъ его неспособнымъ къ дальнѣйшей борьбѣ.

Между тѣмъ, какъ кабанъ дѣлаетъ отчаянныя усилія освободиться отъ вцѣпившихся въ него собакъ, охотникъ выжидаетъ удобнаго случая, слѣдя, когда звѣрь подниметъ переднюю ногу. Какъ только случай представится, онъ долженъ съ быстротою молніи всадить ножъ въ мягкую часть пониже плеча. Если это не удается, кто-нибудь изъ охотниковъ пересѣкаетъ кабану подкожные жилы заднихъ ногъ, чтобы онъ охромѣлъ или, взмахнувъ томагавкомъ, ударяетъ его въ поясницу и валитъ на землю.

Но даже послѣ этого борьба отнюдь еще не кончается. Кромѣ глаза и единственнаго уязвимаго мѣста пониже плеча, стальное острое и револьверная пуля беспомощно скользятъ по желѣзной шкурѣ кабана, не причиняя вреда.

Кабанъ отличается изумительной живучестью. Съ перешибленной задней частью, бесильно волочащейся по землѣ, животное продолжаетъ бодро стоять на переднихъ ногахъ и борется до послѣдняго издыханія.

Мнѣ пришлось имѣть дѣло съ кабаномъ, который, несмотря на то, что вся задняя часть ниже поясицы была у него отшиблена и совершенно неподвижна, успѣлъ умертвить двухъ собакъ и тяжело ранить одного изъ охотниковъ, прежде, чѣмъ его совсѣмъ прикончили.

Для охоты требуются только двѣ собаки, приученныя дѣйствовать сообща. «У кабана только два уха; а это единственное мѣсто, за которое собака можетъ схватить его», сказалъ одинъ старый, бывалый охотникъ, и если взять съ собою большаго собаку, онъ будетъ только портить дѣло, мѣшая другъ другу.

По той же причинѣ, чѣмъ малочислѣннѣе охотничья компанія, тѣмъ лучше. Самая ожесточенная борьба происходитъ обыкновенно въ тѣсномъ пространствѣ среди непролазной чащи хворостниковъ или въ узкой лощинѣ, гдѣ въ случаѣ бѣды при многолюдствѣ будетъ только больше убитыхъ и раненыхъ. Лучше всего, если охотничій отрядъ состоитъ только изъ трехъ человекъ или, самое большее, изъ четырехъ.

Въ охотѣ на дикаго кабана, какъ и во всякой другой, отъ счастья или удачи зависитъ очень многое. Съ такой дичью элементъ опасности всегда налицо. Если одной изъ собакъ случится выпустить кабана, то борьба принимаетъ серьезный характеръ. Освободивъ голову съ одной стороны, кабанъ быстро расправляется съ другой собакой и набрасывается на охотниковъ.

Годъ тому назадъ мнѣ довелось участвовать въ охотѣ на дикаго кабана на склонѣ обширнаго плато Тутамохе. Мѣстность одна изъ самыхъ дикихъ въ цѣломъ мѣрѣ. Дремучій лѣсъ, куда не ступала нога человека, пересѣченный глубокими оврагами, изрѣзанный угестистыми пропастями, чередуется съ обрывистыми ущельями.

Мы отправились изъ усадьбы моего пріятеля Вильяма Плетстэда. Насъ было всего четверо — Плетстэдъ, его сынъ Тедъ, я и Дикъ Уатсонъ, извѣстный старый охотникъ на кабана. Съ нами шли знаменитый охотничій песъ Плетстэда Бой и его сынъ Рори — оба великолѣпные псы. Бой былъ извѣстной собакой въ свое время. Много кабановъ перехватывалъ онъ на своемъ вѣку, и рубцы отъ ранъ, полученныхъ въ ожесточенныхъ битвахъ съ ними, сохранились у него до сей поры.

Мы подняли большаго кабана на днѣ одного оврага — въ узкомъ скалистомъ проходѣ. Кабанъ забился въ самый конецъ разсѣлины и приготовился къ защитѣ. Съ тыла и съ боковъ онъ былъ прикрытъ выступомъ скалы и нависшимъ утесомъ, такъ что добраться до него можно было только спереди.

Молодой Плетстэдъ собирался напустить на кабана собакъ, но Уатсонъ удерживалъ его. — Не наускивайте собакъ! — крикнулъ онъ. Еще не родилось той собаки, которая могла бы вцѣпиться въ «капитана Кука» спереди.

Отважно двинувшись прямо ему навстрѣчу и опаравъ ему бокъ револьверной пулей, онъ старался выманить звѣря съ выгодной позиціи. Хитрость удалась. Задѣтое пулей животное бросилось впередъ въ расширяющееся мѣсто ущелья. Роковое движеніе! Въ мгновеніе ока собаки вцѣпились ему въ уши съ обѣихъ сторонъ. Вытянувъ морды съ стиснутыми зубами, прильнувъ

Уатсонъ почувствовалъ ударъ смертоносныхъ клыковъ.

стальнымъ тѣломъ подѣ шетинистыя бока, онѣ какъ-будто приросли къ нему. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ тѣсный проходъ былъ занятъ группой барахтающихся животныхъ. Мы стояли такъ близко отъ нихъ, что бѣшеная тройка задѣвала наши ноги, въ то время какъ рвалась и металась въ разныя стороны.

Взмахнувъ томагавкомъ, Плестэдъ ударилъ кабана по спинѣ и отбилъ ему сразу всю заднюю часть. Но, увы, въ этотъ мигъ зубы Боя измѣнили ему! Ткнувъ кверху острымъ, какъ бритва, клыкомъ, кабанъ угодилъ ему изъ подѣ низа въ челюсть, и песь упалъ на землю, не взвизгнувъ, съ пробитымъ мозгомъ и расколотымъ черепомъ.

Все это произошло въ одно мгновение. Уатсонъ, вмѣшавшійся въ свалку съ поднятымъ томагавкомъ, стараясь спасти собаку, почувствовалъ ударъ смертоносныхъ клыковъ, раскроившихъ ему ногу отъ колѣна до паха, и отшатнулся назадъ. Внезапно раздался пронзительный визгъ, и я увидѣлъ, какъ бѣдный Рори отскочилъ въ сторону, подобно перышку, межъ тѣмъ какъ изъ раны, обнажившей ему ребра, хлынула кровь.

Уложивъ двухъ собакъ и одного человѣка, кабанъ стоялъ твердо на переднихъ ногахъ, межъ тѣмъ какъ бесполезная задняя часть волочилась по землѣ. Онѣ представлялъ собою зрѣлище неукротимой отваги. Съ налитыми кровью, горящими глазами, съ большою головою, встрѣчавшей всякій угрожающій ударъ обнаженными клыками, и съ оскаленными челюстями, брызгавшими пѣну намъ въ лицо, онѣ былъ настоящимъ воплощеніемъ лютой ярости.

Съ револьверомъ въ рукѣ я мѣтилъ ему въ глазъ, чтобы прикончить его, когда Рори жалобно завизжалъ, лежа на притоптанныхъ листьяхъ. Прежде чѣмъ я успѣлъ попасть въ цѣль, молодой Плестэдъ, какъ бы отвѣтъ на визгъ любимой собаки, бросился впередъ съ охотничьимъ ножомъ въ рукѣ, — Хватай его, Рори, Хватай его, голубчикъ! — крикнулъ онѣ. Собравъ послѣднія силы, умирающая собака приподнялась, прыгнула и вцѣпилась кабана въ ухо.

Въ то время какъ большая голова откинулась назадъ подѣ тяжестью повисшей на ней собаки, молодой Плестэдъ схватилъ лѣвой рукой приподнявшуюся переднюю ногу звѣря. Быстро приподнявъ и опрокинувъ кабана на спину, онѣ вонзилъ ему ножъ ниже плеча и всадилъ клинокъ до самаго сердца, налегши на рукоятку всю тяжестью своего тѣла. Остановивъ кровотеченіе изъ распоротаго бедра Уатсона, мы донесли его до того мѣста, гдѣ стояли наши лошади, привязавъ къ приколу. Рана была серьезная — глубокая и большая, въ добрыхъ девять дюймовъ длины. Къ счастью, клыки кабана не попали въ артерію, лежавшую не дальше дюйма отъ раны. Усадивъ раненаго въ сѣдло и придерживая его одной рукою, я велѣ въ поводу собственную лошадь и, пройдя такимъ образомъ нѣсколько миль по перовинной дорогѣ, доставилъ его въ усадьбу.

Плестэдъ съ сыномъ привезли домой убитаго кабана, привязавъ его ремнями къ сѣдлу верховой лошади.

Собаки были погребены на томъ мѣстоѣ, гдѣ пали Рори, околѣвая, такъ крѣпко впились въ кабана, что стиснутыя челюсти его пришлось разжечь ножомъ, чтобы высвободить ухо животного изъ вцѣпившихся въ него зубовъ.

При населеніи, до сей поры еще не достигающемъ одного милліона, и протяженіи поверхности, почти равномъ Великобританіи, цивилизаціи въ Новой-Зеландіи едва задѣла, такъ сказать, окраину пустынныхъ областей, которыя долго будутъ служить убѣжищемъ стадамъ дикихъ свиней.

Д. Фагонъ.

ПРИНЦЪ ГЕОРГЪ.

ПРИНЦЕССА МАРИНА.

Помолвка принца ГЕОРГА и принцессы МАРИНЫ

Въ Зальцбургѣ состоялась помолвка младшаго сына англійскаго короля — принца Георга съ принцессой Мариной, дочерью принца Николая Греческаго и Вел. Княгини Елены Владиміровны.

Принцу исполнился 31 годъ. Вначалѣ онѣ служилъ во флотѣ, но затѣмъ перешелъ на гражданскую службу, былъ сперва причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ, а затѣмъ занялъ должность фабричнаго инспектора. Принцъ Георгъ пользуется большою популярностью въ Англии и довѣріемъ короля-отца, который возлагалъ на него неоднократно важныя порученія. Онѣ обладаетъ большими способностями къ музыкѣ и танцамъ.

Принцесса Марина — вторая дочь принца греческаго Николая. Ея мать — вел. княгиня Елена Владиміровна — дочь вел. князя Владиміра Александровича и его супруги Маріи Павловны. Такимъ образомъ, принцесса Марина приходится правнучкой Александру II.

Какъ сообщаютъ англійскія газеты, официальное объявленіе помолвки принца Геор-

га и принцессы Марины откладывалось, въ виду того, что принцъ еще не получилъ согласія отца на этотъ бракъ.

Теперь согласіе получено, и англійскія газеты полны описаніями жизни жениха и невѣсты, а также предстоящей въ ноябрѣ свадьбы. Свадьба состоится въ Англии, и ко времени вѣнчанія принцъ Георгъ будетъ возведенъ въ герцогское достоинство.

Въ настоящее время женихъ и невѣста находятся въ гостяхъ у короля Югославіи Александра въ его замкѣ въ Бледѣ. Старшая сестра принцессы Марины — принцесса Ольга — замужемъ за принцемъ Павломъ Карагеоргіевичемъ. Принцесса Марина великолѣпный игрокъ въ теннисъ.

Бракосочетаніе будетъ совершено въ Вестминстерскомъ аббатствѣ архіепископомъ Кентерберійскимъ.

Послѣ свадьбы молодые совершатъ большое путешествіе по британскимъ владѣніямъ, послѣ чего принцъ Георгъ займетъ постъ губернатора въ одномъ изъ англійскихъ доминіоновъ.

ОХОТНИЧЬИ РАЗГОВОРЫ

„НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ...“

Импровизация Нетто.

нилась. Хотѣлъ выправить, а оно крошится, вотъ какъ хлѣбъ! Перегорѣло, значитъ.

— Вашъ «Шутикъ» — ублюдокъ. Вѣдь, это видно. Прутъ у него (хвостъ) крючкомъ, говорятъ друзья-охотники.

— Что вы мнѣ говорите! — протестовала, обиженный хозяйка «Шутика». У него мать премирована и отецъ медальный. А прутъ крючкомъ оттого, что у сосѣда дома моего кобель былъ, — просто дворняга, хвостъ крючкомъ, вотъ что, а не то, что родила отъ него. Глядѣла. Глядѣть бы не надо. Ну, что съ сухой сдѣлаешь? Поглядываешь, не слушается. И вотъ, что выходитъ...

Обязательно бы померь. Вотъ, какъ бываешь на охотѣ.

Англійскія гончія.

Думаю, близко было. Летитъ утка. Я — разъ! — Одинъ перья, а утки нѣтъ. Вотъ, ружье! На сто шаговъ пѣтуха своего на дворѣ ахнулъ. Попробовалъ бой. Разъ, — пылъ одна, перья летятъ, пѣтуха нѣтъ. Что бы вы думали. Что дѣлать! Бой какой. — Въ сараѣ стрѣлялъ: разъ — сараѣ разлетѣлся въ шепы, перья летать.

— Откуда же перья? спрашиваютъ приехали.

Въ сараѣ куры, должно быть, были. Ну и ружье, недоумѣваютъ друзья. — Патроны прислали думь-думь — вотъ что.

— Какой же это лахудровый мѣхъ? Я что-то не слыхалъ.

— Не слыхали? А я ихъ въ Воронежской губернии по дубовымъ оврагамъ пострѣлялъ не мало. Такъ и говорилось — охота на лахудру.

— Что жъ, звѣрь великъ? Не слыхалъ никогда и не видалъ.

— Вы молодцы еще. Поживете — увидите. Енота видали?

— Енотовый мѣхъ, воротникъ, видалъ. А лахудру не пришлось.

— Такъ вотъ, енотъ — это самецъ, поняли? А лахудра — самка. Посвѣтлѣе мѣхъ. Злющая — страсть! Такъ потому и прозвана лахудрой.

Собака у меня хорошая. Одно горе — за зайцемъ бѣжить, зайца гонить. А, вѣдь, это для лягавой собаки позоръ. Всѣ это знаютъ. Какъ ее отучить? думаю. Такъ вотъ, зарядилъ я ружье не дробью, а перцемъ. Да, кайенскимъ. И застрѣлялъ зайчишку. Ну, она его, конечно, слопала. Наѣлась, значитъ, зайчатины и завывала. Смотрю — ротъ открытъ у ней, носъ раздуло весь, кашляетъ, глаза красные, плачетъ, оретъ, головой трясетъ. Перець-то не нравится.

Ну, и полно, съ тѣхъ поръ зайца гонять! Одно только вышло. Какъ теперь зайца увидитъ, такъ бѣжитъ ко мнѣ, визжитъ отъ страха.

Нетто.

ДОРВАЛИСЬ!...

Выѣздъ на цесовую охоту въ старинномъ имѣніи во Франціи.

1.

Пошли на охоту съ начальникомъ канцеляріи, гдѣ я служилъ. Онъ пуделятъ, а я-то стрѣляю безъ промаха. Только думаю — неловко выйдеть. Тоже пуделяю — нарочно.

— Плохо вы стрѣляете, — мнѣ-то онъ говоритъ.

— Трудно, — отвѣчаю, — дичь, говорю, настрокана здѣсь, зналъ, видала виды.

— Разойдемтесь, — говоритъ онъ мнѣ.

Ну, разошлись.

Иду это я за кустьями, изъ болота выбираюсь. Напротивъ вижу, мужичокъ идетъ, съ ружьемъ. И вотъ, весь утками обвѣшанъ. Подошелъ ко мнѣ и говоритъ:

— Купи, баринъ, утчекъ.

Я ему говорю:

— Вотъ что. Иди-ка краемъ здѣсь, барина встрѣтишь, онъ купитъ у тебя. Не говори, что я послалъ.

Слышу стрѣльбу. Одинъ, другой. Я пошелъ на стрѣль-то. Вижу, начальникъ мой веселый, утками обвѣшанъ.

— Садитесь, говоритъ, отдохнемъ и закусимъ. Угощаетъ меня и очень охотой доволенъ. Только вижу, опять мужичокъ съ горки идетъ. Тотъ, что встрѣтился. И кричитъ:

— Баринъ, возьми остальныхъ, по пятиалтынному отдамъ.

— Убирайся къ чорту! — сердится начальникъ. Что ему надо? Сумасшедшій какой-то присталь! Пойдемъ-ка отсюда.

Всталъ, взялъ меня подъ руку и быстро тащить изъ болота.

Вдемъ въ тарантасъ. Веземъ двухъ собакъ дюймовъ англійскихъ. Смотримъ, а изъ лѣсу три волка выбѣжали. Лошади чуютъ. Парнишка ямщикъ гонитъ тройку, а они за нами. Да глядимъ, ужъ ихъ, волковъ-то, пятеро, бѣда. Собакъ держимъ. Имъ охота у насъ собакъ отнять. При насъ ни ружья, ничего. Ямщикъ въ реву. Бросили имъ армякъ, они поотстали, рвутъ армякъ-то. Потомъ опять за нами. Бросили шапки, поотстали немного, шапки рвутъ. И опять около бѣгутъ. Собакъ охота отнять. Что дѣлать? Все бросили остальное, почти гольемъ остались. Видимъ, пропадать, сожрутъ собакъ, да и насъ кстатъ. Дакъ вотъ, какъ вышло. Взялъ я кнутъ у ямщика, сдѣлалъ петлю. Какъ волкъ бросился на собаку, а ему ее на шею, петлю то, затягиваю. Всѣхъ и переловилъ. Вотъ, что было...

Въ Холмогорахъ высылка дупелей. Что ихъ — тысячи, сотни тысячъ! Луга тамъ огромные, ровные. Болота такія — имъ конца-краю нѣтъ! Дупелей столько, что счесть нельзя. Хожу, бую сотню, другую, тысячу, другую начинаю... Стволы у ружья красные накалились. Мочу, окунаю въ болото, бую дальше. Потомъ пуделяю подрядъ. Что такое? Усталъ, думаю. Посмотрѣлъ утромъ ружье, а оно кривое, — сталъ расто-

М. В. Хржановская (рожд. Поклевская-Козелль) и В. Э. Хржановскій у громаднаго медвѣдя, убитаго М. В. Хржановской.

Въ болотахъ-то окна бывають. Иду это я и вижу: травка такая ровная, я и вступилъ да сразу по горло. Хорошо, у меня ружье легко поперекъ, я на него и уперся, а выльзти не могу. Кругомъ пикого. Снизу часъ, другой, вижу — конецъ мой! Остываю. У меня флаги съ коньякомъ, выпилъ весь. Какъ жить хочется! Коньякъ грѣть невозможно. Ну, началъ орать: «Помогите! тону!» — Услыхали. Прибѣжалъ пастушенокъ, мальчишка, но гдѣ-жъ! вытащить меня не можетъ. Пригналъ быка. Держи, говоритъ, кнутовище. Дасть мнѣ конецъ. А другой на рога быку завязалъ. Тотъ какъ дернетъ! Такъ я, какъ пробка, выскочилъ. Быкъ увидалъ меня и началъ меня по дугу катать. И такъ меня каталъ, что всего меня въ жаръ бросило!

Докторъ, Иванъ Ивановичъ, говоритъ: — Хорошо, говоритъ, что быкъ тутъ былъ, а то бы ревматизмъ и воспаление легкихъ.

ПОСЛѢ ОХОТЫ ВЪ СТАРОЙ РОССИИ
Сидитъ въ саняхъ — гр. И. И. Воронцовъ-Дашковъ, рядомъ съ нимъ — В. В. Скаржинскій. Стоитъ — гр. П. П. Шуваловъ.

КАКЪ БЫЛЪ СПАСЕНЪ

Князь Гавріиль Константиновичъ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ*)

Въ спальнѣ въ кровати лежалъ мужъ, а по бокамъ стояли два вооруженныхъ солдата. По командѣ офицера: «Обыскать», солдаты бросились на кровать, стали выдергивать изъ подъ головы подушки и рыться подъ матрацами. Затѣмъ бросились къ шкапамъ и начали рыться тамъ. Я не выдержала, подошла къ офицеру и сказала:

— Во-первыхъ, мужъ мой боленъ и прошу быть съ нимъ осторожнѣе. Во-вторыхъ, сегодня у насъ былъ обыскъ, все перерыто и всѣ документы увезены.

— Какія у васъ имѣются на это доказательства? — спросилъ офицеръ.

— Дворникъ свидѣтель, присутствовавшій при первомъ обыскѣ. И, кромѣ того, въ домовомъ комитетѣ хранится копія, составленнаго протокола.

— Немедленно принести протоколъ, — распорядился офицеръ. Дворникъ ушелъ.

Офицеръ ушелъ тутъ же въ спальнѣ въ кресло подъ образами съ теплящимися лампадами и закурилъ. Солдаты и офицеръ всѣ были въ фуражкахъ. Не могу забыть чувства глубокаго возмущенія, овладѣвшее мною, когда я увидѣла русскаго офицера въ фуражкѣ, развалившагося въ креслѣ, подъ образами.

Сѣвъ сама, я чувствовала, какъ меня буквально трясетъ отъ волненія. У меня, однако, хватило силы попросить показать мнѣ ордеръ. Это былъ ордеръ мѣстнаго района на обыскъ въ нашемъ домѣ и арестъ, причѣмъ на первомъ мѣстѣ была поставлена фамилія моего мужа.

Видъ офицера былъ такъ вызывающе-грубъ и дерзокъ, что было жутко, но лицо его было страшно знакомо. У насъ съ мужемъ мелькнула одна и та же мысль: мы его видѣли въ жандармской формѣ. Очевидно, это былъ жадрамскій офицеръ одной изъ пограничныхъ станцій.

Возвратясь, дворникъ передалъ протоколъ офицеру. Тотъ началъ его читать и въ концѣ чтенія расхохотался. Подозвалъ одного изъ своихъ солдатъ и началъ вмѣстѣ съ нимъ издѣваться надъ орфографіей комиссара и словомъ «подъ писка».

Офицеръ, повидимому, остался доволенъ протоколомъ и, прочтя его, подошелъ къ мужу съ подлой, насмѣшливой улыбкой:

— Разъ васъ не арестовали сегодня агенты Чрезвычайной комиссіи, то и я васъ не арестую, но вы мнѣ должны дать подписку въ томъ, что вы, по выздоровленіи, немедленно явитесь къ намъ въ комиссаріатъ на Монетную улицу.

Мужъ тутъ же написалъ требуемую подписку, и вся ватага грубо, шумно ушла производить обыски и аресты въ другихъ квартирахъ.

*) См. №№ 35 и 36 «Иллюстр. Россіи».

Пережить дважды въ день такой кошмаръ, было тяжело.

Если бы эта ватага арестовала моего мужа, послѣдствія могли быть очень плохія, такъ какъ подобные аресты, обычно кончались вывозомъ въ Кронштадтъ, а по дорогѣ, пьяные матросы могли бы его разстрѣлять или выбросить въ воду...

Ночь прошла въ страшномъ волненіи и безъ сна. На утро я встала совершенно разбитая и больная. Долго думала: не поѣхать ли мнѣ къ Б., воспользовавшись разрѣшеніемъ посѣтить его въ случаѣ крайней нужды, о чемъ меня предупредила его сестра, Н. И. Л-ва, при отъѣздѣ на Украину. Я рѣшила отправиться къ Б., позвонивъ ему предварительно по телефону, и просивъ выслать мнѣ пропускъ.

Пріѣхавъ на Гороховую, я спросила у вооруженнаго солдата, есть ли пропускъ отъ Б. для Нестеровской (я всегда называлась тамъ своей дѣвичьей фамиліей). Переспросивъ нѣсколько разъ мою фамилію, солдатъ долго искалъ пропускъ и, наконецъ, выдалъ. Пока происходили поиски моего пропуска, мнѣ пришлось пробыть довольно долго въ этой отвратительной, грязной труппѣ, среди солдатъ, среди которыхъ находился старый священникъ, умоляющимъ голосомъ просившій солдатъ: «Не знаютъ ли они, гдѣ находится его сынъ офицеръ?» Онъ, взволнованный, подбѣжалъ ко мнѣ и спросилъ:

— Вы ищете вашего сына офицера?

Этотъ вопросъ меня ошеломилъ. Но я сообразила, что отъ всего пережитого, въ мои 28 лѣтъ священникъ меня принялъ за мать офицера.

— Нѣтъ, батюшка, не сына...

— Тогда мужа? — прервалъ онъ меня.

Будучи сама въ страшномъ волненіи, и едва держась на ногахъ, я не могла вступать въ длительные разговоры съ несчастнымъ священникомъ и отвѣтила ему:

— Никого я не ищу.

Тогда бѣдный старикъ, со слезами на глазахъ, началъ рассказывать мнѣ, что вчера ночью увезли его сына въ Кронштадтъ, и онъ пропалъ безслѣдно. Пока онъ мнѣ это рассказывалъ, окружающіе насъ солдаты ругались и острили: «Рыбку кормить въ Невѣ твой сынъ»... Напрасно лапти бьешь старина — не сыскаютъ тебѣ твоего сына»...

Опять по знакомой лѣстницѣ, среди солдатъ и пулеметовъ, прошла я въ бывшую столовую градоначальника. Б. принялъ меня скоро. Въ кабинетѣ Б. находились: его помощникъ Юселевичъ и большевицкій градоначальникъ Шаховъ. Рассказавъ ему подробно о всѣхъ переживаніяхъ, въ связи съ двумя обысками, я просила защитить насъ, такъ какъ мой мужъ больной человекъ, и волненія отражаются на его здоровьѣ.

— Ничего не могу для васъ сдѣлать, — сухо отвѣтилъ Б. — я самъ себя не могу защитить отъ подобныхъ обысковъ. Въ любой

моментъ могутъ придти и ко мнѣ и сдѣлать обыскъ. Развѣ вы можете гарантировать, — продолжалъ онъ, — что черезъ часъ послѣ обыска, къ вамъ могутъ придти и принести оружіе?

Его сухой, холодный тонъ окончательно подорвалъ мои силы. Я не выдержала и заплакала, за что мысленно стала бранить себя, затѣмъ, взявъ себя въ руки, я спросила:

— Какъ съ бумагами мужа, которыя были забраны вчера при обыскѣ?

Онъ обратился къ своему помощнику:

— Выдайте всѣ документы. Я уже говорилъ, что тамъ — ерунда.

— Собираетесь ли вы арестовать моего мужа? — задала я вопросъ.

— Пока нѣтъ, — сухо отвѣтилъ онъ и я вышла.

Внизу двое мальчишекъ вынесли нашъ ящикъ съ письмами и документами мужа, который я на извозчикѣ повезла домой.

Мужъ былъ очень обрадованъ, получивъ обратно свои бумаги. Мы сейчасъ же начали совѣщаться о дальнѣйшихъ шагахъ. Нужно было, во что бы то ни стало, избѣжать ареста, а потому мы рѣшили нанять комнату въ клиникѣ Герзони и переѣхать туда, какъ только эта страшная минута будетъ приближаться. На слѣдующее утро я поѣхала къ Герзони, наняла комнату и предупредила, что время пріѣзда еще не рѣшено, но чтобы насъ ждали каждый день.

Такъ прошло нѣсколько дней, во время которыхъ усиленно циркулировали слухи о приходѣ пѣмцевъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней, вставъ изъ за стола послѣ завтрака, я подошла къ окну и увидѣла у нашего подъѣзда автомобиль. Почему-то я сразу почувствовала, что это къ намъ, и бросилась къ мужу въ столовую, прося его немедленно раздѣться и лечь въ постель. Не успѣла я уложить мужа, какъ на лѣстницѣ раздались три рѣзкихъ звонка. Я бросилась сама открывать дверь. Вошли два солдата и штатскій въ костюмѣ шофера.

— Романовъ дома? — былъ ихъ вопросъ.

— Дома. Онъ лежитъ больной, — отвѣтила я, — что вамъ угодно?

— Арестовать Гавріила Романова, — отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ вошедшихъ и протянулъ бумагу — ордеръ на арестъ мужа, подписанный Урицкимъ. Въ этотъ моментъ у меня все помутилось въ глазахъ. Я до сихъ поръ дрожу при этомъ воспоминаніи.

— Проведите насъ къ Романову, — вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія голосъ одного изъ солдатъ.

Мужъ сидѣлъ въ кровати, когда мы всѣ вошли въ спальню. Комиссаръ, въ костюмѣ шофера, объявилъ мужу, что онъ долженъ встать и ѣхать на Гороховую.

Я начала умолять ихъ, чтобы моего больного мужа не поднимали съ постели и про-

Чествование генерала М. М. РЕПЬЕВА

телефонировали въ Чеку. Комиссаръ былъ человекъ приличный и согласился позвонить. Комиссаръ соединился съ Б. и сталъ его спрашивать, нельзя ли больного мужа оставить дома. Видимо, оттуда послѣдовалъ вопросъ: «Какая температура?», потому что комиссаръ повторилъ мнѣ этотъ вопросъ. Получивъ отвѣтъ: «Тридцать семь и пять десятыхъ», комиссаръ сообщилъ это по телефону и вскорѣ положилъ трубку. Затѣмъ онъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Вашего мужа мы бы не тронули, если бы его температура была не менѣ сорока.

Въ это время одинъ изъ солдатъ началъ грубо и рѣзко настаивать на томъ, чтобы мой мужъ немедленно былъ арестованъ. Онъ кричалъ, что Романовы были варварами и съ ними, съ солдатами, не стѣснялись, арестовывали ихъ, ссылали въ ссылки и даже убивали. Онъ велъ себя настолько возмутительно, что комиссаръ на него прикрикнулъ.

Съ дрожащими руками и сердцемъ готовымъ разорваться, вошла я въ спальню мужа, чтобы объявить ему объ его участи: онъ долженъ одѣваться и ѣхать. Мужъ принялъ эту вѣсть спокойно. Мы все, наша прислуга, были убиты. Солдаты въ это время начали обыскивать квартиру, но я немедленно ихъ остановила, заявивъ, что у насъ на дняхъ былъ обыскъ, все забранные документы возвращены и находятся въ ящикѣ, еще съ печатями Чрезвычайной комиссiи.

Никогда не забуду момента отъѣзда мужа. Я не могла остаться одна, а потому упростила комиссара взять и меня въ Чека. Мы сѣли во внутрь автомобиля съ комиссаромъ и солдатомъ, настаивавшимъ на арестѣ. Рядомъ съ шоферомъ сѣлъ другой солдатъ съ винтовкой. Вся наша прислуга, швейцаръ и нѣкоторые изъ жильцовъ, вышли насъ проводить, и было такое впечатлѣние, какъ-будто оплакивали дорогого покойника. Мы ѣхали молча.

Приѣхавъ на Гороховую, нашъ комиссаръ объявилъ солдатамъ, что ведетъ арестованнаго Романова и насъ немедленно пропустили. Мы поднялись наверхъ и вошли въ приемную, куда ежеминутно приводили вновь арестованныхъ. Сѣли. На мужѣ не было лица. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, но не показавъ вида, какъ ему тяжело. Просидѣли такъ мы болѣе часа. Вдругъ, какой-то писарь вызываетъ меня, спрашиваетъ фамилію, званіе, адресъ и записываетъ все въ книгу. На мой вопросъ: «Зачѣмъ все это?» Онъ удивленно отвѣчаетъ: «Да вы вѣдь арестованная?» — «Я сопровождаю арестованнаго мужа», — объясняю ему и онъ меня отпускаетъ.

Время идетъ. Мы сидимъ болѣе двухъ часовъ. Никто насъ не вызываетъ. Вдругъ, я вижу, выходитъ Б. Чтобы не подвести его, осторожно подхожу къ нему, дѣлая видъ какъ бы вижу его въ первый разъ, и спрашиваю:

— Моего мужа посадятъ въ тюрьму, или есть возможность положить его въ частную лечебницу?

— Я думаю, что Урицкій на это согласится, — сказалъ онъ спокойнымъ тономъ.

Тогда, не будучи въ силахъ дальше ждать, я пошла въ кабинетъ къ Урицкому просить дальше насъ не мучить и допросить мужа. Урицкій отвѣтилъ чрезъ секретаря, что онъ насъ не приметъ, что мужъ арестованъ и пока посидитъ у нихъ на Гороховой, а потомъ будетъ отправленъ въ тюрьму.

Зная, какъ кошмарно быть заключеннымъ на Гороховой, я побѣжала въ приемную за

ОБЩИЙ ВИДЪ БАНКЕТА

Фото М. Бродскаго.

2 сентября въ Галиполійскомъ собраніи состоялось чествованіе ген. М. М. Репьева по случаю пятидесятилѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ. Банкетъ привлекъ много участниковъ и прошелъ очень оживленно.

Слѣва направо: г-жа Т. В. Репьева, адм. Кедровъ, ген. М. М. Репьевъ, г-жа О. С. Кедрова, ген. Витковскій, ген. Кальницкій, впереди ген. Гулевичъ.

мужемъ, и мы вмѣстѣ влетѣли въ кабинетъ Урицкаго.

Увидѣвъ насъ, онъ даже оторопѣлъ.

— Зачѣмъ вы здѣсь? Намъ не о чемъ говорить. Вы арестованы, должны сидѣть и ждать, пока васъ отправятъ въ тюрьму, — возмущался Урицкій.

— Прошу и требую, — взявъ себя въ руки, заговорила я громко и смѣло, — не издѣваться надъ больнымъ человекомъ. Боль-

ныхъ не сажаютъ въ тюрьму, а посылаютъ въ больницу.

Кромѣ насъ, въ кабинетѣ Урицкаго было еще трое мужчинъ.

— Что вы желаете отъ меня, сударыня? — задалъ мнѣ вопросъ Урицкій. — Вашъ мужъ арестованъ и долженъ быть препровожденъ въ тюрьму.

(Окончаніе на стр. 18.)

Въ гостяхъ у шоферовъ

Въ „Домѣ отдыха“ Объединеннаго Союза русскихъ шоферовъ

Воскресный день, 10 час. утра. На пустынной въ этотъ часъ площади Камброннъ только у сквера замѣтно оживленіе: вереница машинъ, слышна русская рѣчь. Направляюсь туда и сразу же заражаюсь общимъ жизнерадостнымъ настроеніемъ: поѣздка на лоно природы, на знаменитую «мельницу», въ прославленную своимъ гостеприимствомъ семью русскихъ «шоферовъ».

— Вы въ первый разъ? — съ ноткой удивленнаго сожалѣнія спрашиваетъ меня дама, въ отвѣтъ на мои разспросы. — Ахъ, видите, тамъ такъ хорошо!..

Одна за другой «снимаются», переполненные гостями машины. «Посадкой» вѣдаетъ генеральный секретарь союза В. И. Канабишъ. Наша машина еще недвижима — ждемъ предсѣдателя.

Но вотъ и онъ: Д. Е. Скобцовъ — предсѣдатель «Объединеннаго Союза Русскихъ Шоферовъ». Знакомимся, разсаживаемся. Хотя наша машина и «Ситроень» — управляетъ ею «Рено» — милѣйшій С. Л. Рено, нашъ — черноморскій морякъ, служившій во время войны въ «Парти Траленія» и, стало быть, не разъ смотрѣвшій смерти въ глаза. А вотъ теперь «тралить» кліентовъ по Парижу.

Покатили. Сосѣдка въ восторгѣ: — «Наконецъ-то!..» Выѣзжаемъ за городъ. Съ быстротой въ 50 километровъ проносятся предметья, кладбище Тіз, ангары Орли... Не мало встрѣчныхъ и обгоняющихъ машинъ.

Бзды еще съ добрый часъ. Завязывается разговоръ, конечно, о «мельницѣ», о шоферскихъ дѣлахъ.

— Сейчасъ наша ближайшая задача — оживляется Д. Е. Скобцовъ — обзавестись собственной фермой — домомъ отдыха, гдѣ бы наши шоферы могли отдыхать въ любое время года. Такая «своя» усадьба могла бы и обезпечить судьбу и нашихъ инвалидовъ, и стариковъ, да и больные, въ періодъ выздоровленія, набирались бы здѣсь силъ.

Мысль — почтенная. Оказывается, уже имѣется фондъ въ 10.000 франковъ, и поднятъ вопросъ о ежегодномъ 10-ти франковымъ самооблаженіи; зимой же, съ эгою цѣлью, предположены концерты, вечера. Озабочиваетъ правленіе и другая мысль — мысль сложная, насущная, но требующая не мало энергіи и хлопотъ.

— Минувшая забастовка — поясняетъ Д. Е. Скобцовъ — на многое открыла глаза. Мы ясно осознали слабость нашихъ экономическихъ устоевъ и полностью оцѣнили все значеніе нашего объединенія; впрочемъ, оцѣнили его и «дикіе»: лучшимъ свидетельствомъ тому служить все растущее число членовъ союза. Тогда, съ самыхъ первыхъ дней забастовки, передъ каждымъ русскимъ шоферомъ всталъ гнетущій вопросъ самопомощи; особенную тревогу внушала судьба дѣтей. Вѣдь, по крайней мѣрѣ, треть обучающихся въ русской гимназій — дѣти

шоферовъ и нужно было немедленно изыскать средства для ихъ пропитанія и продолженія ученія. Къ счастью, это удалось, чѣмъ не мало облегчилось и положеніе самой гимназій. Нужно замѣтить, забастовка вообщю показала насколько благополучіе многихъ русскихъ учреждений и предприятий тѣсно связано съ благополучіемъ шоферовъ.

Мысль, о которой мы только что упомянули и которую въ пути развили предсѣдатель союза, явилась прямымъ слѣдствіемъ этой самой забастовки. Въ двухъ словахъ суть ея заключается въ признанной правленіемъ необходимости обзавестись собственнымъ кооперативнымъ гаражемъ. Если эта мысль осуществится, — а уже и сейчасъ имѣются благоприятные къ тому признаки, — положеніе русскихъ шоферовъ, дѣйствительно, сможетъ упрочиться и они съ большей увѣренностью смогутъ взирать на будущее. Отпадаетъ главная опасность: чреватая для нашего брата — эмигранта послѣдствія возможнаго принятія палатами министерскаго законопроекта о подчиненіи профессіи шофера общимъ нормамъ, регулирующимъ трудъ, ибо, увы, далеко не исключена возможность распространенія ограниченія иностраннаго труда и на эту отрасль; въ такомъ случаѣ, переходъ нашихъ шоферовъ на положеніе собственниковъ машинъ избавитъ ихъ отъ воздѣйствія этихъ ограниченій. Правленіе союза и занято изысканіемъ путей къ предотвращенію этой опасности, и выходъ изъ нея видятъ въ организаціи упомянутого выше гаража. Оно уже завязало дѣятельные переговоры съ различными автомобильными заводами, какъ Рено, Ситроень, Пѣжо. Къ большому своему удовлетворенію, правленіе встрѣтило полное сочувствіе и доброжелательство со стороны этихъ заводовъ, что весьма окрылило его, такъ какъ предложенныя заводами условія пріобрѣтенія большой партіи машинъ оказались вполне пріемлемыми. Въ настоящую минуту разрабатывается проектъ акціонернаго общества, которое и будетъ предложено вниманію ближайшаго общаго собранія членовъ союза.

Объединивъ такимъ путемъ своихъ членовъ въ крупное предпріятіе, на испытанныхъ въ Западной Европѣ принципахъ кооперации, — правленіе полагаетъ тѣмъ самымъ обезпечить участникамъ его всѣ выгоды крупнаго дѣла. Составленная и провѣренная специалистами смѣта, даетъ по словамъ предсѣдателя союза, полную увѣренность, что при удержаніи 50% дневной выручки по счетчику, лица, пріобрѣтшія машины съ разсрочкой платежа — черезъ 18 мѣсяцевъ стануть ихъ собственниками, причемъ, во все время будутъ обслуживаться гаражемъ общества также, какъ и нынѣ обслуживаются гаражами частныхъ предпринимателей, только съ той существенной разницей, что не будутъ страдать отъ чрезмѣрныхъ цѣнъ за стоянку машинъ въ частныхъ гаражахъ и не будутъ переплачивать

за починки, ремонтъ и проч., правильная оцѣнка каковыхъ не всегда доступна контролю собственника машины. Тутъ вся доля заработка — и доля не малая — уходившая до сихъ поръ въ личную прибыль частнаго предпринимателя, цѣликомъ останется въ пользу самихъ шоферовъ. Нельзя не привѣтствовать этой мысли, равно какъ и мысли о собственной фермѣ и не пожелать Объединенному Союзу нашихъ шоферовъ полнаго успѣха.

За оживленной бесѣдой, время пролетѣло незамѣтно. Вотъ и лѣсъ! Покатили по мягкой проселочной дорогѣ.

Рѣчка! Кругой поворотъ. Надпись: «Муленъ Руайно». Изъ за деревьевъ выбѣжали строенія усадьбы. Пріѣхали!

Радушная встрѣча. На лужайкѣ съ десяткомъ машинъ, живописная группа улыбающихся хозяевъ и гостей.

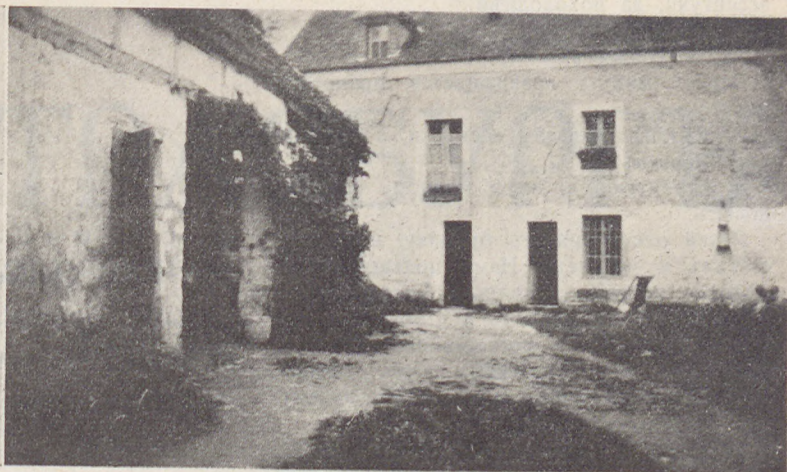
А вотъ и самъ «мельникъ» В. А. Алексѣевъ, загорѣлый, во всемъ бѣломъ. Тоже нашъ — черноморскій морякъ, одинъ изъ доблестныхъ офицеровъ миннаго заградителя «Прутъ», геройски погибшаго при встрѣчѣ съ германскимъ дредноутомъ «Гебенъ».

Двадцать лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, а какъ сейчасъ помню телефонограмму одного изъ наблюдательныхъ постовъ южнаго побережья Крыма, извѣстившую флотъ о потрясающемъ событіи: «Прутъ» поднялъ бѣлый флагъ и сдается «Гебену». Можеге себѣ представить впечатлѣніе отъ этой телеграммы? За дальностью разстоянія постъ не распозналъ на бѣломъ фонѣ флага — Андреевскаго креста. То былъ не бѣлый флагъ позора, а стеньговой — славы!.. Увидѣвъ его, «Гебенъ» вновь поднялъ: «Предлагаю сдаться». Въ отвѣтъ сигнальный старшина Шацкій только получше расправилъ стеньговой флагъ. Продолжая держать наглый сигналъ, «Гебенъ» приближался съ лѣваго борта, стремясь отрѣзать «Прутъ» отъ берега.

Вдругъ, съ кормы на носъ молнія. Залпъ! Новая молнія — новый залпъ! Онъ цѣликомъ попалъ въ носъ. ярко вспыхнулъ пожаръ. Паль первой жертвой старый, извѣстный всему флоту боцманъ Колюжный. Залпы сыпались одинъ за другимъ. Лейтенантъ Рагузскій съ подрывнымъ патрономъ бросился внизъ взорвать корабль, чтобы иѣмцы какъ-нибудь не захватили его. Больше никто не увидѣлъ славнаго лейтенанта. Раздался взрывъ... «Прутъ» рѣзко осѣлъ. Непріятельскій снарядъ сломалъ мачту, она повисла, но огромный парадный Андреевскій флагъ продолжалъ развѣваться на ней. Кругомъ въ холодную волѣ плылаи люди.

На верхней палубѣ, среди бурога дыма и пожара, появилась фигура священника въ полномъ облаченіи. Онъ простеръ руки къ небу, призывая милосердіе Божіе на всѣхъ гибнущихъ, умирающихъ, страдающихъ кругомъ его духовныхъ дѣтей. Высоко поднявъ крестъ, старый, восьмидесяти-

ДОМЪ ОТДЫХА ОБЪЕДИНЕННАГО СОЮЗА РУССКИХЪ ШОФЕРОВЪ Прудъ.

Видъ дома со двора.

лѣтній батюшка о. Антоній благославлялъ всѣхъ. Новые залы усилили пожаръ. Вихрь дыма засталъ мѣсто, гдѣ только что стоялъ батюшка. Больше никто его не увидѣлъ. Также, какъ лейтенантъ Рогузскій, онъ погибъ со своимъ кораблемъ.

Офицеры и командиръ бросились въ море послѣдними. Корма «Прута» совсѣмъ ушла въ воду. Носъ торчалъ вертикально. Кругомъ барахтались люди.

«Прутъ» пылалъ огромнымъ факеломъ, далеко въ морѣ змѣился его огненный столбъ. Все меньше становился факель... «Прутъ» почти весь подъ водой. Одинокій, мерцающій огонекъ, словно лампада на поверхности моря... Но вотъ погасъ и онъ. Тамъ, гдѣ только что былъ «Прутъ» не осталось ничего... Когда подсчитали спасенныхъ людей, не досчитались семидесяти трехъ...

Входимъ въ усадьбу. Ворота украшены зеленью, русскими флагами. Обширный дворъ, лонгъ-шезы, цвѣты. Чувствуется заботливая рука. Подъ навѣсомъ сервированные столы. Приглашаютъ въ импровизированный баръ «заморить червячка».

Рядомъ — бильярдная. Тутъ же достопримѣчательность «мельницы» — огромная, уходящее въ полъ колесо, отъ времени — словно желѣзное. Пять вѣсковъ стоитъ тутъ мельница; на шестомъ дождалась русскихъ хозяевъ.

Осматриваемъ домъ. Двухэтажный, помѣстительный: бываетъ до сорока пансіонеровъ. Въ открытыя окна заманчиво шумитъ тѣсь, бурлитъ по порогамъ быстротечная рѣчка. Имя ея — Эссонъ. Течетъ полнокровно. Воды прозрачныя, глубокія. Немало рыбы.

Молодежь на лужайкѣ забавляется въ городки. Дѣтвора забралась на скалы; ихъ звонкіе голоса по всему лѣсу. Оказывается, здѣсь водятся и фазаны. Съѣздъ еще не окончился; гостей ожидаетъ пріятный сюрпризъ — Кедровы!

— Сколько же у васъ членовъ союза? — спрашиваю генеральнаго секретаря. Къ намъ присоединяется и товарищъ предсѣдателя Ю. И. Федоровъ.

— Всѣхъ членовъ 600 (90% — офицеровъ). Каждую среду происходитъ засѣданіе правленія. Изъ повседневной дѣятельности больше всего хлонотъ съ «аксиданамъ». Ежемѣсячно бываетъ ихъ до сорока, а то и больше. Благодаря вмѣшательству правленія, большинство «аксидановъ» удаются ликвидировать безболѣзненно. Иной

разъ изъ-за какого-нибудь пустяка выходитъ цѣлая драма. Вотъ, напримеръ, недавно — рассказываетъ В. И. Канабишъ — ѣдетъ нашъ шофферъ по узкой улицѣ и заѣзжаетъ крыло стоящей у тротуара собственной машины. Поцарапалъ краску. Кажется — пустякъ, а какая исторія вышла!

Въ машинѣ сидѣла дама. Нашъ шофферъ сейчасъ же къ ней. Дама говоритъ: «Подождите, позову мужа». Видя, что онъ мѣшаетъ движенію, шофферъ проѣхалъ нѣсколько впередъ, выбралъ свободное мѣсто и остановился. Ждетъ. Проходить 10 минутъ, 15, наконецъ, полчаса — ни дамы, ни мужа. Шофферъ подождалъ и уѣхалъ. Въ результатѣ: заочный судъ, мѣсяць тюрьмы, 30 дней

Въ дни отдыха.

лишенія права ѣзды (потому что, моль, удрали!). А послѣдствіемъ тюремнаго заключенія — высылка. Изъ-за поцарапанной краски — вся жизнь вверхъ дномъ.

Громъ аплодисментовъ прервалъ разговоръ. Прибыли артисты: Н. Н. Вечора, оперный пѣвецъ Оксанскій и весь сеппетъ молодыхъ Кедровыхъ, подъ управленіемъ Николая Николаевича. За столы сѣло челоуѣкъ

сто. Какъ водится, начались рѣчи, тосты.

Сосѣдомъ моимъ оказался Ф. И. Верисоцкій — почетный предсѣдатель союза шофферовъ, въ прошломъ товарищъ прокурора, а во время войны исполнялъ обязанности помощника военнаго агента въ Румыніи. Много рассказывалъ про Польшу, гдѣ когда-то служилъ, про Бухарестъ, про тамошнія событія, ну и, конечно, про небезвѣстнаго русскому обществу свитскаго адмирала М. М. Веселкина — Мишу Веселкина — какъ звали его во флотѣ; гремѣлъ тогда на весь Дунай.

Анекдотовъ про него ходило тьма. Изъ-за его привычки выпить передъ обѣдомъ рюмку водки, произошла такая оказія. По обстоятельству военного времени городъ Мариуполь и его уѣзды были развернуты въ военное губернаторство. Военнымъ губернаторомъ былъ назначенъ генералъ Яковлевъ, а его помощникомъ — я. И вотъ; однажды, для выясненія на мѣстѣ различныхъ вопросовъ, связанныхъ съ питаніемъ Дуная углемъ и военными матеріалами, въ Мариуполь прибылъ начальникъ особой дунайской экспедиціи М. М. Веселкинъ (тогда еще флигель-адъютантъ). Время было лѣтнее — жара, почему обѣдать рѣшено было не дома, а на бульварѣ (въ городскомъ саду). Какъ извѣстно, водка въ тѣ времена была запрещена, но т. к. Веселкинъ не могъ сѣсть за столъ, не осушивъ нѣсколько рюмокъ, — губернаторъ попросилъ меня протелефонировать въ ресторанъ, чтобы къ обѣду была водка. Но чтобы не вводить въ соблазнъ гражданъ — подать ее въ бутылкахъ изъ подъ нарзана.

Пріѣзжаемъ въ ресторанъ. Столъ въ цвѣтахъ, канделябры, самъ хозяинъ прислуживаетъ. Еще бы! — губернаторъ и его гость — приближенный Государя. Пушень весь блескъ, хозяинъ лѣзетъ изъ кожи, лакеи сбились съ ногъ.

Публики — не мало. За послѣднимъ столикомъ сидитъ какой-то болѣзненный, видимо очень нервный старичокъ въ очкахъ не то профессоръ, не то докторъ. Ему здорово жарко и онъ все обтираетъ лысину огромнымъ кумачевымъ платкомъ. Нетерпѣливо стучитъ по столу. Лакеи, занятые губернаторскимъ столомъ, не обращаютъ на него никакого вниманія.

Наконецъ, одинъ подбѣгаетъ:

— Чего изволите?

— Что это васъ сегодня не дозовешься?!

— слыш' желчный вопросъ. — Дайте мнѣ эссенуки, да похолоднѣй!

— Слушаю-сь!

Лакей убѣжалъ.

Черезъ минуту возвращается, приноситъ напитокъ.

— Я тебѣ заказалъ эссенуки, а ты принесъ нарзанъ.

— Эссенуки-сь, ваша милость, всѣ вышли-сь.

Лакей откупориваетъ бутылку, наливаетъ стаканъ и убѣгаетъ. Намъ подають вкуснѣйшую ледяную ботвинью. Хозяинъ самъ обноситъ псевдо-нарзанъ и чтобы не обнаруживать передъ посторонними секрета, разливаетъ не по рюмкамъ, а въ стаканы. Чокаемся. Веселкинъ залпомъ, съ аппетитомъ осушаетъ свое.

Не успѣваю выпить, какъ вижу съ Веселкинымъ словно ударъ: съ минуту полная неподвижность, въ глазахъ гнѣвные знаки вопросовъ и восклицаній. Затѣмъ ударъ кулакомъ по столу, громъ и молнія въ сторону оторопѣвшихъ хозяина и лакеевъ. И почти одновременно душу-раздирающій визгъ за сосѣднимъ столомъ. Судорожно раскрытый, какъ у выброшенной на песокъ рыбы, ротъ несчастнаго, задыхающагося старичка-профессора, глаза выльзшіе изъ орбитъ и какъ сейчасъ помню — повисшіе на лѣвомъ ухѣ очки.

Что же оказалось?! Лакей перепуталъ поставленныя въ ледникъ бутылки нарзана. Веселкинъ вмѣсто водки хватилъ стаканъ «профессорской» воды, а профессоръ вмѣсто того, чтобы утолить жажду нарзаномъ, залпомъ осушилъ «адмиральскую» водку.

*

**

Послѣ завтрака состоялся чудесный концертъ. Только поздно вечеромъ вернулись, развеселившіеся гости въ Парижъ. Вотъ ужъ доподлинно не скажешь: «...и я тамъ былъ медъ, пиво пилъ, по усамъ текло, а

О Р Г А Н И З А - Т О Р Ы «ДОМА ОТДЫХА ОБЪЕДИ- НЕННАГО СОЮЗА РУССКИХЪ ШОФЕ- РОВЪ».

Предс. союза Д. Е.

Скобцовъ, членъ

правления Д. А. Га-

генъ, ген. секр. В. И.

Каннабихъ, членъ

ревиз. ком. М. Д.

Генникъ и др.

Фото М. Бродскаго.

въ ротъ не попало». Попало и столько, что, выражаясь нашей морской терминологіей, пришлось, что называется «лечь въ дрейфъ».

Что и говорить, — жива еще матушка Русь и есть еще порохъ въ пороховницахъ...

А. Лукинъ.

КАКЪ БЫЛЪ СПАСЕНЪ КНЯЗЬ ГАВ- РИИЛЪ КОНСТАНТИНОВИЧЪ.

(См. стр. 15).

Я вытщила докторскія свидѣтельства и показала ему.

— Мнѣ не нужны свидѣтельства. Я по лицу вашего мужа вижу, что онъ боленъ.

— Какой ужасъ! — вскрикнула я. — Вы видите по лицу, что онъ боленъ и, несмотря на это, сажаете его въ тюрьму? За что? Отвѣйте мнѣ?

— За то, что онъ Романовъ. За то, что Романовы въ теченіе 300 лѣтъ грабили, убивали и насиловали народъ, за то, что я ненавижу всѣхъ Романовыхъ, ненавижу всю буржуазію и вычеркиваю ихъ однимъ росчеркомъ моего пера. Когда то, я былъ близокъ къ буржуазіи и, будучи студентомъ, жилъ на всемъ готовомъ и получалъ на свои прихоти 300 рублей въ мѣсяцъ. Но я во время сумблѣ возненавидѣлъ буржуазію, отойти отъ нея и объявить ей вѣчную войну. Я презираю эту бѣдную кость, какъ только можно презирать. Теперь наступилъ нашъ часъ и мы вамъ мстимъ и жестоко...

— Позвольте, — перебила я его, — моему мужу всего тридцать лѣтъ. Онъ не могъ ни грабить, ни убивать какъ вы говорите. За что же онъ страдаетъ?

Урицкій посмотрѣлъ на меня съ усмѣшкой.

— А развѣ дѣти не отвѣтственны за грѣхи своихъ родителей, дѣдовъ и прадѣдовъ? Вотъ, вашъ мужъ, непонимный ни въ чемъ, — я абсолютно ничего не могу сказать противъ него, — будетъ страдать только за свою фамилію. Да, сударыня, недалновидно было во время большевиковъ выходить замужъ за Романова! Но вы его любите? — протянулъ саркастически Урицкій.

— Да, я люблю его и не откажусь отъ своего мужа ни въ какія времена! — воскликнула я. — Я умѣю цѣнить любовь. А вы, господинъ Урицкій, любите ли вы кого-нибудь?

— Я?! — переспросилъ онъ удивленно. — Я?! что за смѣлый вопросъ? Да, люблю...

— Ну, а чтобы вы сказали, господинъ Урицкій, если бы того, кого вы любите невинно арестовали?

— Странно! — опять удивился онъ. — Если бы арестовали такъ, какъ я арестовалъ вашего мужа, то я отвѣтилъ бы, что такъ и надо.

— Неправда! — закричала я, — неправда. Не вѣрю! Нѣтъ закона мучить невинныхъ людей! Вы только что сказали, что когда-то жили буржуемъ. Отвѣйте мнѣ: За что я страдаю? Я всю жизнь трудилась и въ потъ лица зарабатывала свой хлѣбъ. Въ то время, когда вы, на всемъ готовомъ, получали 300 рублей въ мѣсяцъ, я получала 50 и не на готовомъ, а на эти деньги должна была жить,

ѣсть, пить и одѣваться. Отвѣйте мнѣ: кто я: буржуйка, или нѣтъ? За что я, сгравдавшая всю свою молодость, должна страдать и теперь?

Урицкій замаялся. Я опять заговорила:

— Вы не можете отвѣтить на мой вопросъ?..

— Мадамъ, мы слишкомъ много теряемъ времени, — перебилъ онъ меня. — Вы желаете, чтобы я освободилъ вашего мужа? Хорошо, я его освобожу. Но мы сейчасъ же вмѣстѣ выйдемъ на площадь, и я объявлю народу, что я, Урицкій, освободилъ Романова, и вы увидите, что получится. Толпа на мѣстѣ растерзаетъ вашего мужа. Вы этого хотите?..

Урицкій говорилъ, чтобы понравиться присутствовавшимъ въ кабинетѣ товарищамъ, тѣ хохотали, съ восторгомъ ловя каждое его слово.

— Чего вы хотите? — повторилъ онъ, — чтобы я положилъ въ больницу вашего мужа и чтобы караульные солдаты убили его такъ, какъ это сдѣлали съ Шингаревымъ и Коконкинымъ? Вы этого хотите?... — продолжалъ злорадствовать Урицкій. — Хорошо, я на это согласенъ. Вотъ вамъ бумага и перо и вы, сейчасъ же здѣсь, напишите мнѣ, что принимаете всѣ послѣдствія на свою отвѣтственность. — Онъ протянулъ мнѣ бумагу и перо.

Княгиня А. Романова.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ПАРИЖЪ - СТРАСБУРГЪ

Очеркъ для „Иллюстрированной Россіи“

ЧЕМПИОНА ХОДЬБЫ

(ПРОДОЛЖЕНІЕ*)

II

Моя классификація нѣкоторыхъ видовъ спорта, навѣрное, вызоветъ нареканія и возраженія. Постараемся избѣжать полемики и примемъ за основаніе при классификаціи цѣль, которую преслѣдуетъ спортъ, т. е. развитіе физическихъ качествъ человѣка.

Вспомнимъ частую поговорку ген. Драгомирова: «Въ здоровомъ тѣлѣ — здоровый духъ». Въ здоровомъ, но не искалѣченномъ... И чѣмъ менѣе опасности для жизни человѣка въ томъ или другомъ видѣ спорта, тѣмъ мы его менѣе цѣнимъ.

Я воспитывался въ религіозной семьѣ, въ одномъ изъ рабочихъ районовъ гор. Тулы. Очень часто я наблюдалъ за богомолками, направлявшимися то въ Кіево-Печерскую лавру, то поклониться мощамъ св. Тихона Задонскаго. Туляки же по лѣтамъ направлялись въ самую близкую къ городу обитель св. Тихона Калужскаго. Въ одинъ изъ лѣтнихъ дней, съ разрѣшенія матери, я увязался за знакомыми богомольцами и, въ возрастѣ 14 лѣтъ, съ котомкой за плечами, отмахалъ въ два дня 140 верстъ, отдѣлявшихъ Тихонову Пустынь отъ Тулы.

Позже, во время войны, будучи вольноопредѣляющимся 118 Шуйскаго полка, я никогда не числился въ спискѣ отсталыхъ и приходилъ въ головѣ роты на ночевку. Командуя 9-ой ротой 5 гренадерскаго Кіевскаго полка, я не пользовался полагавшейся мнѣ по званію лошадыю и переходы продѣлывалъ пѣшкомъ въ хвостѣ роты, почему и не имѣлъ отсталыхъ.

Въ 1928 году семейныя обстоятельства вынудили меня продѣлать «Туръ дѣ Франсъ» пѣшкомъ, и мой другъ мосье Гишаръ, редакторъ газеты «Нормандія», посоветовалъ попробовать силы въ состязаніи Парижъ-Страсбургъ.

На слѣдующій годъ мнѣ посчастливилось квалифицироваться, чтобы участвовать въ состязаніи. Лишь по неопытности я пришелъ шестымъ, хотя могъ бы легко прийти и вторымъ.

Въ 1930 году я взялъ реваншъ, пришедши вторымъ за Роже Марсо и побивши какъ и первый, знаменитый рекордъ швейцарскаго ходока Линдера.

Въ 1930 году, послѣ ожесточенной борьбы, я вырвался на первое мѣсто и, если бы не несчастный случай, выигралъ бы состязаніе. Но, споткнувшись на полномъ ходу, я оторвалъ чепыре ногтя на обѣихъ ногахъ и принужденъ былъ бросить состязаніе въ Люневилѣ.

1932 годъ тоже былъ неудачнымъ. Уже

На пробѣгѣ Парижъ-Труа въ 1933 г.

въ 60 километрахъ отъ Парижа я набилъ себѣ кровавые мозоли на пяткахъ. Въ Шато-Твери я продѣлалъ мучительную операцію прижиганія ранъ формолемъ и на носкахъ добрался двадцать седьмымъ до Страсбурга.

Въ 1933 году я безъ особыхъ усилій занялъ третье мѣсто.

Съ 1929 года я принялъ участіе въ слѣдующихъ крупныхъ состязаніяхъ:

- 13-мъ въ Вокругъ Парижа 1929 г.
- 6-мъ въ Парижъ-Страсбургъ 1929 г.
- 3-мъ въ Вокругъ де ля Бри 1930 г.
- 2-мъ въ Парижъ-Страсбургъ 1930 г.
- 1-мъ — Вокругъ Парижа 1931 г.
- 2-мъ — Вокругъ де ля Бри 1932 г.
- 21-мъ — Вокругъ Парижа 1932 г.
- 27-мъ — Парижъ-Страсбургъ 1932 г.
- 3-имъ — Переходъ черезъ Бретань 1932.
- 5-мъ — Вокругъ де ля Бри 1933 г.
- 2-мъ — Парижъ-Труа 1933 г.
- 3-мъ — Парижъ-Страсбургъ 1933 г.
- 8-мъ — Переходъ черезъ Бретань 1933 г.
- 1-мъ — Вокругъ де ля Бри 1934 г.
- 16-мъ — Вокругъ Парижа 1934 г.
- 1-мъ Парижъ-Страсбургъ 1934 г.

Во всѣхъ этихъ состязаніяхъ я приобрѣлъ большой опытъ и убѣдился, что ходьба —

настоящій, хотя и самый грудный, спортъ и что, кромѣ здоровыхъ ногъ и сердца, надо имѣть много ума. Я хорошо изучилъ своихъ противниковъ, замѣтилъ въ какомъ разстояніи отъ Парижа они бывають подвержены первому приступу слабости, кого и какъ изъ нихъ надо обходить. Я самъ выдумалъ фасонъ обуви и научился ухаживать за ногами съ такимъ успѣхомъ, что уже два года не набивалъ мозолей. Наконецъ, я научился многимъ хитростямъ, чтобы сбивать съ толку моихъ противниковъ и держать ихъ въ невѣдѣніи относительно моей формы.

Въ 1934 году я рѣшился дать генеральный бой.

О подготовкѣ къ нему и о фазахъ его я дамъ подробности въ слѣдующемъ номерѣ.

П. Юшковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Зубной врачъ Пар. Мед. фак.
М. С. САРАЧЪ
 8, rue Dombasle, M^o Convention.
 Приемъ отъ 10-1 и отъ 3-8 ч. веч.
 Assurances sociales
 Собств. лаборат. Tél.: Vaug. 78-44.

*) См. № 36 «И. Р.»

Похоронный маршъ

Парижскій разсказъ

Въ этомъ году я жилъ около Орлеанскихъ воротъ въ большомъ, неуклюжемъ домѣ во дворѣ, въ которомъ въ двухъ этажахъ были расположены два десятка ателье. Это сооружение было построено нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ ту эпоху, когда Парижъ былъ переполненъ иностранцами, и квартирный кризисъ позволялъ сдавать каждое ателье по 500 франковъ въ мѣсяцъ. Въ эти годы жизнь здѣсь кипѣла ключомъ. Съ утра до поздней ночи хлопали двери, раздавалась музыка, слышалась англійская, нѣмецкая и шведская рѣчь.

Молодаясья дамы и перезрѣлыя барышни, не нашедшія себѣ примѣненія у себя на родинѣ, превращались здѣсь въ художницъ и скульпторшъ, и это позволяло имъ пріобщиться къ ботемѣ Монпарнасскихъ кафе, портить холсты и картоны, переводить краски и принимать молодыхъ людей. Онѣ изучали искусство и были очень счастливы.

Съ тѣхъ поръ времена измѣнились. Все рѣже почтальонъ Жюль приносилъ къ намъ во дворъ денежные пакеты и переводы. А это имѣло своимъ послѣствиемъ то, что обитательницы нашего дома собирали вещи и со слезами покидали Монпарнасъ. Тѣ, кто могли, перебрались во вновь отстроенныя ателье въ другихъ кварталахъ, а остальные, протиснувшись навсегда съ Парижемъ, уѣзжали во-свои.

Нашъ домъ опустѣлъ, и консьержка стала гораздо любезнѣе съ оставшимися жильцами, хотя они и платили половину прежней квартирной платы.

Я остался здѣсь, во-первыхъ, потому, что привыкаю къ мѣсту, а, во-вторыхъ, мое здѣшнее жилище имѣло то преимущество, что я могъ возвращаться домой, когда угодно, никѣмъ незамѣченный. Отъ не запиравшихся на ночь воротъ и до моего ателье, не было ни одной двери, и я бы нисколько не удивился, если бы однажды нашелъ у насъ въ коридорѣ какого-нибудь бродягу, искавшаго спокойнаго ночлега.

Изъ десяти ателье въ нашемъ коридорѣ занято было только четыре. Одно у самаго входа, въ которомъ жила старая, глухая итальянка. Въ другомъ помѣщался я, затѣмъ продавщица изъ магазина Одетта и какой-то художникъ, не то левантинецъ, не то грекъ, носившій черную шляпу съ непомѣрно широкими полями.

Художникъ былъ, повидимому, большимъ любителемъ музыки. Работая по вечерамъ у себя, онъ или ставилъ на граммофонѣ все одну и ту-же пластинку какого-нибудь популярнаго мотива или же напѣвалъ его такимъ дикимъ голосомъ и съ такою экспрессіей, что мотивъ становился совершенно неузнаваемымъ. Я мысленно прозвалъ моего сосѣда «истерическимъ буйволомъ».

Одетта держалась недотрогой. Попавъ по какому-то недоразумѣнію въ это пристанище для иностранцевъ, она оставалась въ немъ, вѣроятно, по причинѣ своего малообщительнаго нрава. Здѣсь царила полная свобода, и на нее почти никто не обращалъ вниманія.

Я сказалъ «почти», потому что раза два безуспѣшно попробовалъ нарушить ея одиночество. У нея были чудесные сѣрые глаза съ такими длинными рѣсницами, что можно было потерять голову. Зато брови были совершенно сбриты, а другія — тонкія, дугообразной формы, были нарисованы гораздо выше природнаго мѣста, и это придава-

ло лицу дѣвушки нѣсколько удивленный видъ. Я узнавалъ ее сразу по походкѣ — походки дѣвушки, увѣренной въ себя и немножко гордой. Быть можетъ, она была и права, когда, въ отвѣтъ на мое пожеланіе ей какъ-то «добраго утра», молча прошла мимо меня, даже не удостоивъ взглядомъ. Эти знакомства съ сосѣдями по комнатамъ никогда ничѣмъ хорошимъ не кончались!

Но, Боже мой, до чего тоскливы иногда бывали эти одинокіе вечера въ нашемъ домѣ, когда дождь барабанилъ по крышѣ, а «истерическій буйволъ» ревѣлъ что-то отдаленно похожее на одинъ вальсъ-бостонъ, который играли во всѣхъ даисингахъ Монпарнасса! Издалека доносились меланхолическіе гудки автомобиля. Одетта сидѣла, притаившись точно мышь, въ своей комнатѣ, а я былъ готовъ пробить головой стѣну, чтобы или упасть къ ея ногамъ, или же свести расчеты съ жизнью.

Приходилось искать забвенія въ «Исторіи религій» Соломона Рейнака, чтобы отъ этой скучной матеріи попасть поскорѣе въ объятія Морфея.

Говорятъ, что однимъ изъ средствъ для преодоленія меланхолія является перемѣна обстановки. Я уже совсѣмъ было рѣшилъ перемѣнить комнату (единственный способъ для эмигранта излечиться отъ несчастной любви или начать новую жизнь!), какъ вдругъ совершенно случайное обстоятельство не только заставило меня отказаться отъ этого намѣренія, но кореннымъ образомъ измѣнило всю мою дальнѣйшую судьбу.

Въ одинъ прекрасный вечеръ я услышалъ, какъ мой сосѣдъ, вернувшись изъ города, направился прямо къ граммофону и началъ его изо всей мочи заводитъ. Это означало, что онъ пріобрѣлъ новую пластинку. Я насторожился, съ любопытствомъ ожидая, чѣмъ пополнится его скудный репертуаръ.

И вдругъ я услышала величаво-заунывные, рвавшие душу звуки «Похороннаго марша» Шопена!.. Хотя я и большой любитель музыки этого композитора, но, зная привычки «истерическаго буйвола», я откровенно выругался и послалъ его ко всѣмъ чертямъ! Слушать часами подрядъ похоронную музыку я не имѣлъ ни малѣйшей охоты!

Однако, дѣлать было нечего. Еще не было девяти часовъ, и мой сосѣдъ имѣлъ право проиграть, по крайней мѣрѣ, 20 разъ «Траурный маршъ», а потомъ исполнять вариации на ту-же тему собственными голосовыми средствами до полуночи...

Но, когда начался «трегій туръ» въ мою дверь раздавался легкій стукъ. Оторопѣвшій отъ неожиданности, я поспѣшилъ ее распахнуть и чуть не опустился на ступь отъ изумленія! На порогѣ стояла... Одетта.

Она, повидимому, готовилась ко сну, такъ какъ предстала предо мною въ своемъ естественномъ видѣ, т. е. безъ нудры и ярко накрашенныхъ губъ. Только дугообразной формы брови, нарисованныя гораздо выше своего природнаго мѣста, придавали ея лицу выраженіе крайняго изумленія. Я обратилъ вниманіе также на то, что она была безъ чулокъ и въ ночныхъ туфляхъ... Все это заставляло предполагать, что что-то необычайное заставило мою сосѣдку безпокоить меня въ такой поздній часъ.

Она нѣкоторое время молчала, смотря на меня своими чудесными, сѣрыми глазами, а потомъ произнесла съ тихой мольбой, прижимая пальцы маленькихъ рукъ къ груди:

— Сударь, простите, что я позволила себѣ васъ побезпокоить. Но вы послушайте, что играють!..

— Что? Это, если не ошибаюсь «Похоронный маршъ» Шопена!

— Именно... Это ужасно!..

На ея лицѣ было написано такое отчаяніе, что я невольно попятился, не зная, чѣмъ ей помочь. Признаться, я былъ готовъ броситься къ «истерическому буйволу» и выбросить его, вмѣстѣ съ граммофономъ и его новой пластинкой изъ окна. Но я сдержался и попросилъ Одетту выйти.

«Пожалуйста сядьте...» сказала я, придвигая Одеттѣ стулъ, на который она послушно опустилась.

Я замѣтилъ на ея рѣсницахъ слезы.

— Миѣ такъ стыдно, что я къ вамъ пришла, тихо произнесла моя гостя: но я не могу слышать спокойно этой мелодіи. Вы знаете, ее всегда напирывалъ на роялѣ мой бѣдный братъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Онъ былъ хорошимъ музыкантомъ?

— Онъ утонулъ въ Луарѣ во время кушанія...

Я замолчалъ, совершенно не ожидая такого оборота. Наконецъ, меня осыпала счастливая идея.

— Хотите, я пойду и попрошу нашего сосѣда, не ставить этой пластинки, когда вы дома?

Но Одетта остановила меня тѣмъ же умоляющимъ жестомъ:

— Нѣтъ, оставьте!.. Миѣ даже приятно слушать эту мелодію. Но я не могу быть въ это время одна...

Я не знаю, какъ это вышло, но я совершенно непроизвольно сталъ гладить Одетту по рукѣ, приговаривая: «Успокойтесь. Ради Бога, успокойтесь!»

Она не сопротивлялась. Сперва нерѣшительно, но потомъ все съ большимъ интересомъ глаза ея скользили по моимъ этюдамъ, по книгамъ на полкахъ и по цвѣткамъ. Видимо, ей у меня нравилось. Женщина судить о мужчинѣ по его наружности и костюму, но окончательное мнѣніе у ней складывается о немъ, когда она побываетъ въ его жилищѣ...

А въ это время за стѣной серебряныя трубы выводили гениальное тріо «Похороннаго марша», должественно изображая страствованія безсмертной души въ селеніяхъ праведныхъ...

Сознаюсь, что въ этотъ моментъ я былъ тоже, что называется «на седьмомъ небѣ!» Мы не слышали, какъ гдѣ-то на колокольнѣ пробило 10 часовъ, и нашъ сосѣдъ пересталъ заводитъ свой граммофонъ. Мы не слышали и его дальнѣйшихъ вариаций на ту-же тему собственными голосовыми средствами...

На насъ вдругъ нахлынула волна большаго счастья, когда мѣръ упирается куда-то въ пространство или же отражается весь цѣликомъ въ глазахъ, которыя любятъ и начинаютъ понимать безъ словъ...

Я буду кратко и скажу только, что мы еще много вечеровъ послѣ этого слушали «Похоронный маршъ» Шопена и Одетта совершенно перестала его бояться.

Ю. Метловъ.

Въ слѣдующемъ номерѣ начнется печатаніемъ новая повѣсть

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАГО

„Въ джунгляхъ“

Парижа

Рускій отрядъ морскихъ скаутовъ

Этой весной въ Парижѣ, на Сенѣ, у Булонскаго лѣса организованъ Рускій отрядъ морскихъ скаутовъ. Въ тяжелое время кризиса русскіе юноши и дѣвушки, въ возрастѣ отъ 16 лѣтъ, отдали свое свободное время подготовкѣ къ званію инструктора морского спортивнаго дѣла.

Приводимые фотографическіе снимки, изображаютъ жизнь и учебныя занятія на яхтѣ «Фемида».

Интересно отмѣтить, что за короткій промежутокъ времени Р.О.М.С. успѣлъ выиграть два приза: по плаванию (на 100 метровъ «вольнымъ стилемъ») и по прыжкамъ (съ высоты 10,5 метровъ) въ одномъ изъ лучшихъ французскихъ клубовъ въ Сюренѣ.

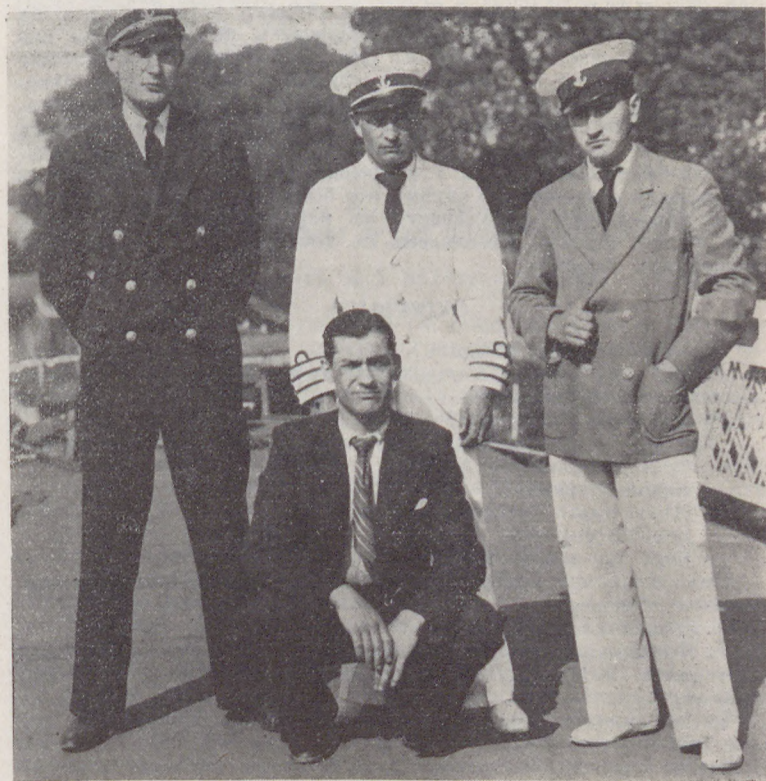
Во главѣ отряда стоитъ петроградскій Старшій скаутмастеръ В. А. Клименко, Скаутмастеръ И. В. Павловъ, Гайдъ-Мистриссъ И. Н. Флери-де-Россетъ и боцманъ Ю. Брюно.

I (мужская) и II (женская) вахты.

Гости и скауты во время отдыха на яхтѣ.

Слѣва: Скаутмастеръ Павловъ, Ст. скаутмастеръ Клименко, Пом. скаутмаст. Ефимовъ и боцманъ Брюно.

Результаты конкурса «САМОГО КРАСИВАГО ЛЮБОВНАГО ПИСЬМА»

Жюри при редакціи «Иллюстрированной Россіи», въ составѣ Л. Ф. Волькенштейна, К. А. Коровина и Г. В. Немировича-Данченко, ознакомившись съ девятью, опубликованными на страницахъ нашего журнала въ

«Конкурсѣ самаго красиваго любовнаго письма», письмами, постановило присудить:

1 премію — Брюкнеръ «Исторія Петра Великаго» 2 т. роскошное изданіе — автору письма подъ девизомъ: «Послѣдняя любовь» (№ 21 «И. Р.»).

2 премію — 3 кн. Собранія соч. Н. А. Некрасова и 2 кн. А. П. Лукина «Флотъ» — автору письма подъ девизомъ: «Любовь одна, какъ смерть одна...» (№ 23).

3 премію — 3 кн. Собранія соч. Н. А. Некрасова — автору письма подъ девизомъ «Моя любовь — русскому» (№ 24).

По вскрытіи конвертовъ съ девизами, авторами указанныхъ писемъ оказались:

1 — Г-нъ Юрій Григорковъ, Гельсингфорсъ, Финляндія.

2 — Г-жа Ганя Николино, Каунасъ, Литва.

3 — Г-жа Марія Яворская, Лионъ, Франція.

Преміи авторамъ высылаются.

Альберта

РОМАНЪ

Авторизованный

переводъ съ французскаго для «Ил. Россіи»

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНІЕ ПРЕДЫДУЩИХЪ ГЛАВЪ.

Альберта, находясь въ домѣ предварительнаго заключенія, посылаетъ своему защитнику тетрадь, въ которой рассказываетъ свою жизнь и исторію совершеннаго ею преступленія. Послѣ смерти мужа, котораго она не любила, она поселилась въ своемъ имѣніи, куда за ней прѣзжаетъ ея дочь Камилла со своимъ женихомъ Францемъ. Постепенно Альберта замѣчаетъ, какъ она духовно перерождается. Одновременно мѣняется и ея физическій обликъ. Она начинаетъ слѣдить за собой и лучше одѣваться. Постепенно между нею и Францемъ возникаетъ чувство взаимнаго интереса. Камилла какъ будто догадывается объ этомъ, но ничѣмъ своихъ подозрѣній не обнаруживаетъ. Тѣмъ не менѣе день свадьбы назначается. Альберта приноситъ вѣсть объ этомъ Францу въ отсутствіи дочери, и это открываетъ возможность молодому человѣку дать волю своимъ чувствамъ. Францъ, любя Альберту, въ самый рѣшительной формѣ высказывается противъ своего брака съ Камиллой. Однако, у влюбленныхъ нѣтъ силъ сломить упорство молодой дѣвушки. Свадьба назначается на болѣе ранній срокъ. Однако, за нѣсколько дней до свадьбы, Камилла дѣлается жертвой автомобильной катастрофы. И въ вечеръ этого трагическаго происшествія Альберта и Францъ отдаются чувствамъ, которыя ихъ связываютъ. Послѣ похоронъ Камиллы, Францъ остается жить въ усадьбѣ Альберты и между ними возникаетъ связь. Альберта была бы очень счастлива, если бы она не сознавала, что Камилла сдѣлалась жертвой не несчастнаго случая, а злого умысла Франца, который, повидимому, что-то испортилъ въ механизмѣ автомобиля. Проживъ нѣкоторое время въ деревнѣ, Альберта и Францъ перѣзжаютъ въ Парижъ, гдѣ Францъ становится во главѣ большого автомобильнаго дѣла. Его компаньонъ Х. сперва относится къ Альбертѣ дружески, но затѣмъ все болѣе ея чуждается. Францъ также мало-по-малу охлаждаетъ къ ней. Альберта узнаетъ отъ сына Х., что Францъ помолвленъ съ дочерью Х. — Сесиль, бывшей изъ Америки.

ОКОНЧАНІЕ.

— Гдѣ ты вчера обѣдалъ?
— Это все? Уфъ, дай вздохнуть. Гдѣ я обѣдалъ? У Х.; мнѣ кажется, я тебѣ говорилъ.
— Кто тамъ былъ еще?
— Три или четыре человѣка. Я, Андрэ, его жена, одинъ изъ нашихъ представителей въ Англии...
— Больше никого?
— Нѣтъ. Былъ, конечно, Жакъ.
— Больше никого?
— Чего ты добиваешься?
Онъ остановился передо мною. Его глаза и ротъ приняли жесткое выраженіе.
Я продолжала жалобнымъ голосомъ.
— Францъ, послушай меня, это очень серьезно. Будетъ лучше, если ты мнѣ скажешь всю правду. Или ты предпочитаешь, чтобы я...
Въ эту минуту его лицо приняло такое выраженіе, что для меня больше не было сомнѣній. Между нами все было кончено. Въ нашей комнатѣ было два врага. Безумецъ, что онъ дѣлалъ! Я въ отчаяніи ломала руки.
— Такъ ты предпочитаешь...
До этой минуты онъ стоялъ. Теперь онъ сѣлъ и, положивъ ногу на ногу, насмѣшливо улыбался.
— Нѣтъ, нѣтъ. Ты, повидимому, хорошо освѣдомлена. Я нисколько не скрываю, что была еще мадемуазель Х. Мадемуазель Сесиль Х.
— Твоя невѣста?
— Моя невѣста.
Въ его улыбка мелькнула угроза.
— Теперь я могу вздохнуть съ облегченіемъ. По соображеніямъ деликатности, которую ты сумѣешь оцѣнить, я затруднялся сообщить тебѣ эту новость. Я ждалъ, чтобы какая-нибудь добрая душа взяла на себя эту задачу. Не скрою отъ тебя, что это тянулось слишкомъ долго.
— Францъ, — бормотала я глухимъ голосомъ, — Францъ!
— Что?

— Будь остороженъ.
— Въ чемъ?
— Ты собираешься жениться?
— Конечно.
— Будь остороженъ.
— Я еще разъ тебя спрашиваю, въ чемъ?
— Несчастный, несчастный, онъ не понимаетъ.
— Чего я не понимаю?
— Много вещей. Во всякомъ случаѣ, ты не понимаешь, какъ я тебя люблю.
— Правда? — Я бы не сказала.
— Что?
— Особенно трудно это было бы сказать тогда, когда я предлагала жениться на тебѣ. Въ концѣ концовъ мнѣ пришлось заключить, что я тебѣ не такъ ужъ нуженъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что при такихъ обстоятельствахъ...
Я подошла къ нему. Онъ продолжалъ смотрѣть на меня и въ его взглядѣ было и любопытство, и угроза.
— Францъ, неужели тебѣ не стыдно!
— Стыдно? Почему? — сказалъ онъ и тонъ его показался мнѣ менѣе увѣреннымъ.
— Она красивѣе меня, правда?
Онъ пожалъ плечами.
— Во всякомъ случаѣ, она богаче.
Онъ усмѣхнулся.
— Такія инсинуаціи меня не трогаютъ.
— Кромѣ того, она моложе меня.
— Я думаю!
— Какъ ты смѣешь!
Я покачнулася. Страшнымъ усиліемъ воли я совлала съ собою и я видѣла, какъ онъ поблѣднѣлъ, когда, отчеканивая каждое слово, я сказала:
— Моложе меня, конечно, но не моложе, чѣмъ была Камилла, не правда-ли?
Въ первый разъ за все время это имя было произнесено между нами. Онъ ударилъ кулакомъ по столу. Лепестки розъ упали на коверъ.
— Довольно. Пора положить конецъ этому нелѣпому объясненію. Если ты хочешь мнѣ что-нибудь сказать, я тебя слушаю.
— Францъ, ты меня больше не любишь, но развѣ ты не понимаешь, какъ я тебя люблю?
— И что же?
— Развѣ это не достаточно ясно?
Онъ молчалъ.
— Значитъ, ты ее любишь?
— Это мое дѣло, — сухо сказалъ онъ.
Въ эти трагическія, рѣшительныя минуты, какое безуміе совершалъ этотъ человѣкъ. Какое безуміе и какая гордость. Нѣсколькими словами ласки, участія, онъ могъ бы меня обезоружить. Но онъ не искалъ этихъ словъ.
— Послушай, — сказала я, чувствуя, какъ сжимается мое горло. Ты считаешь, что съ твоей стороны это очень правильно, очень благообразно поступать такъ, какъ ты поступаешь?
Теперь онъ подошелъ ко мнѣ и съ силой сжалъ мнѣ руку.
— Теперь ты послушай меня, — сказалъ онъ. Все это очень мило, но я тебѣ сказалъ по телефону, что я сегодня немного тороплюсь. Мы завтра возобновимъ эту очаровательную бесѣду. Мнѣ кажется, что до сихъ поръ я не имѣлъ привычки уклоняться.
— Ты ѣдешь къ ней, не правда-ли?
— А если такъ?
— Единственный совѣтъ, который я могу тебѣ дать, это не уходить такъ.
Мы стояли, глядя другъ другу въ глаза. Въ его глазахъ былъ блескъ, котораго я никогда раньше не видѣла. Нѣтъ, я вспоминаю, что я уже однажды видѣла этотъ блескъ. Это было въ тотъ день, когда мы охотились на кабановъ.
— Что ты хочешь этимъ сказать?
— О, ничего
Что подумалъ онъ въ эту минуту. Что взяло въ немъ верхъ — фатализмъ, любовь къ риску, или онъ не сознавалъ всей опасности? Быть можетъ, онъ думалъ, что я ничего не знаю, или знаю не все, быть можетъ, онъ надѣялся, что, если даже я знаю все, то, чувствуя, насколько мое преступленіе болѣе тяжело, чѣмъ его, я не посмѣю... Несчастный, несчастный. Его погубило то, что онъ не понималъ, какъ я его люблю.
Онъ надѣлъ пальто, взялъ шляпу и перчатки.
— Ну, на сегодня довольно. До завтра.
— Францъ, будь остороженъ. Завтра будетъ слишкомъ поздно. Не вызывай мѣня на крайности.
— Повторяю тебѣ: до завтра.
— Завтра меня здѣсь не будетъ, — сказала я.
— Правда? — спросилъ онъ съ улыбкой, которая окончательно вывела меня изъ себя. Гдѣ же это ты можешь быть?
— Францъ!
Повидимому, звукъ моего голоса его поразилъ. Когда, въ какую страшную минуту моей жизни мой голосъ имѣлъ этотъ звукъ? И вдругъ, полная ужаса, я вспомнила: это было семь лѣтъ тому назадъ, въ столовой въ Магэлонѣ, въ тотъ вечеръ, когда, такимъ же крикомъ, я пыталась удержать Камиллу, которая ушла навстрѣчу своей судьбѣ.

Сегодня, если Франц не послушает меня, онъ также себя погубитъ.

Я видѣла, что онъ колебался. Потомъ, рѣшившись, онъ вышелъ, хлопнувъ дверью.

Онъ не успѣлъ дойти до воротъ нашей дачи, когда я позвонила моей горничной. Но ея не было. Она вернулась черезъ четверть часа. Эти нѣсколько минутъ, что я осталась одна, я провела въ какомъ-то непонятномъ страхѣ. Если бы я услышала шаги Франца, который рѣшилъ бы вернуться, я бы позвала на помощь.

Какъ только вернулась моя горничная, я велѣла ей приготовить мой дорожный костюмъ. Я быстро переодѣлась. Два часа спустя я уѣхала изъ Парижа.

XXV.

Мнѣ повезло. На станціи желѣзной дороги мнѣ удалось найти наемный автомобиль и къ десяти часамъ утра я была въ Магелонѣ. Я не обращала вниманія на знакомыя картины. Даже видъ нашего стараго дома не тронулъ меня. Онъ казался мнѣ болѣе незначительнымъ, болѣе бѣднымъ, чѣмъ то представленіе, которое я сохранила о немъ въ моей памяти. Но моя мысль была занята другимъ.

Легко понять, что дѣлая ночь я не сомкнула глазъ. Мое возбужденіе росло съ каждымъ часомъ.

Нашъ домъ былъ, конечно, закрытъ. Ключи были у Маріи, которая вышла замужъ и жила на фермѣ, на разстояніи одного километра отъ насъ. Я тотчасъ же направилась къ ней, пересѣкая поля, покрытыя затвердѣвшей отъ мороза травой. Я встрѣтила нѣсколькихъ крестьянъ, которые съ удивленіемъ посмотрѣли на меня и поклонились, не узнавъ меня. Я тоже ихъ не узнала.

Легкій дымокъ подымался изъ трубы дома, гдѣ жила Марія. Я съ облегченіемъ вздохнула. Она была дома.

Я не имѣла времени телеграфировать ей о моемъ пріѣздѣ. На порогѣ ея дома мальчикъ лѣтъ пяти-шести съ задумчивымъ видомъ сосалъ свой палецъ. Увидѣвъ меня, онъ убѣжалъ. Я вошла въ кухню. Стоя на колѣняхъ, молодая женщина мѣшала ложкой въ кастрюль, въ которой кипѣлъ супъ. Услышавъ крикъ ребенка, она обернулась и съ удивленіемъ смотрѣла на меня.

— Марія!

Она вскрикнула.

— Боже мой, барыня, это вы.

Я молча смотрѣла на нее. Я знала, что это она. Но я бы никогда ея не узнала. Отъ тяжелой деревенской работы она огрубѣла, согнулась, стала почти старухой. Какою она нашла меня?

— Барыня пріѣхала! Какъ я рада!

— Я тоже рада, Марія.

Мы смотрѣли другъ на друга съ смущенной улыбкой.

— Барыня только что пріѣхала?

— Да.

— Простите, барыня, что домъ закрытъ. Вы меня не предупредили. Я сейчасъ пойду и приберу немного. Если барыня хочетъ пока немного отдохнуть, пожалуйста въ спальню, я сейчасъ принесу теплой воды.

— Спасибо, Марія. Сейчасъ не стоитъ идти въ Магелонъ. Я не буду тамъ ночевать сегодня.

— Барыня уѣзжаетъ?

— Нѣтъ, я не уѣзжаю, но я не буду ночевать въ Магелонѣ.

Я ей объяснила, что у меня было въ городѣ денежное дѣло, которое мнѣ надо было сегодня закончить, что я остану ночевать въ городѣ и вернусь на другой день.

— Я смогу достать автомобиль, не правда-ли? Генрихъ попрежнему имѣетъ гаражъ?

— Да, барыня, Жюль сейчасъ пойдетъ за нимъ. Они оба будутъ очень рады повидать васъ. Когда барыня хочетъ ѣхать!

— Какъ можно скорѣе. Я хотѣла бы быть въ городѣ до четырехъ часовъ. А туда больше сорока километровъ.

— Вы успѣте, барыня.

Она проводила меня въ спальню и стояла около меня, держа въ рукахъ кувшинъ съ теплой водой. Мы обѣ были смущены еще болѣе, чѣмъ раньше.

— Какъ поживаетъ твой мужъ, Марія?

— Слава Богу, барыня, спасибо.

— А дѣти?

— Также хорошо, барыня. Тотъ, котораго вы встрѣтили, это старшій, Раймондъ. Младшая, Зелія, у своей бабушки. Позвольте, поблагодарить васъ, барыня, за чудную шубку...

— Не стоитъ, Марія, не стоитъ.

— А барыня какъ поживаетъ?

— Хорошо, Марія.

Я чувствовала, что она хочетъ задать мнѣ другой вопросъ, но не рѣшается. По всей вѣроятности, послѣ нашего отъѣзда, сплетни обо мнѣ и Францѣ сдѣлали свое дѣло.

Я улыбнулась, чтобы дать ей смѣлости, которой ей не хватало.

— А какъ баринъ? — спросила она, наконецъ.

— У него тоже все благополучно.

— Онъ все время въ Парижѣ?

— Быть можетъ, ему случится въ одинъ изъ ближайшихъ дней пріѣхать сюда. Марія, оставь меня на минутку одну.

— Хорошо, барыня.

Я подождала, пока она вышла, чтобы снять шляпу. Я не хотѣла, чтобы она видѣла, что они острижены и выкрашены.

Какъ только она вышла, я сняла со стѣны зеркало. Подой-

дя къ окну, я съ жадностью всматривалась въ мои черты. Конечно, я знала, что три дня жестокихъ моральныхъ страданій, вчерашнее объясненіе съ Францемъ, наконецъ, бессонная ночь, которую я провела въ вагонѣ, перебирая въ мысли все пережитое, — все это должно было отразиться на мнѣ. Но было ли все это достаточно, чтобы превратить женщину, которой я была еще недѣлю тому назадъ, въ тотъ призракъ, который я увидѣла въ зеркалѣ. Я поднесла зеркало къ лицу, ближе, еще ближе. Въ безопадномъ свѣтѣ зимняго утра мое лицо было землистаго цвѣта, покрытое морщинами. Краска волосъ имѣла красноватый оттѣнокъ. Я быстро надѣла шляпу и, неподвижно глядя на грустный деревенскій пейзажъ, ждала, когда вернется Марія.

— Жюль пошелъ за Генрихомъ. Если бы барыня прошла въ кухню, тамъ теплѣе.

Пока Марія готовила обѣдъ, я присѣла у огня. Я думала о томъ, какъ завязать съ Маріей разговоръ, для котораго я сюда пріѣхала.

Наконецъ, я нашла.

— Марія!

— Что, барыня?

— Надо немножко вытереть мои ботинки. На нихъ много грязи.

— Будьте покойны, барыня, я не забуду.

— Ты помнишь, Марія, тотъ вечеръ, когда умерла наша бѣдная Комилла.

Она посмотрѣла на меня глубокимъ взглядомъ, по которому было видно, что это воспоминаніе было живо въ ея памяти.

— Ты помнишь, когда барышня уѣхала, онъ сидѣлъ у камина, какъ я.

— Я помню, барыня. И у него тоже ботинки были грязные и я хотѣла ихъ вытереть. Но только на его ботинкахъ была не грязь; это было автомобильное масло.

— Откуда ты знаешь, что это было автомобильное масло?

— Вы помните, барыня, въ тотъ вечеръ, когда привезли тѣло покойной барышни, я хотѣла развести огонь. Я пошла въ сарай, гдѣ стоялъ автомобиль, чтобы полить керосиномъ дрова и испачкала ботинки масломъ, пролитымъ наполь. Я подумала: «надо будетъ вытереть масло». Когда я вернулась въ сарай, масла на полу уже не было. Баринъ его вытеръ. Когда я зашла въ сарай, онъ какъ разъ кончилъ вытирать.

— Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Онъ сказалъ: «не обращайтесь на меня вниманія. Въ такія минуты лучше всего работать, дѣлать что-нибудь полезное». Бѣдный баринъ. Онъ обо всемъ думалъ!

— Марія, — мнѣ холодно. Подбрось еще дровъ въ каминъ.

Часъ спустя, я уѣхала въ автомобиль Генриха. Гаражистъ почти совсѣмъ не измѣнился за эти годы. Только посѣдѣлъ немного.

— Я очень, очень радъ васъ видѣть, сударыня, — повторялъ онъ.

Я была безконечно утомлена. Я старалась сберечь свои силы для того страшнаго поступка, который мнѣ оставалось совершить. Но я должна была сдѣлать еще одно усиліе. Мнѣ нужно было, чтобы Генрихъ тоже сказалъ мнѣ все, что онъ помнилъ.

— Я тоже рада васъ видѣть. Осторожно, Генрихъ, сейчасъ поворотъ.

— Не бойтесь, сударыня.

— Васъ не должно удивлять, что я боюсь. На одномъ изъ такихъ поворотовъ моя бѣдная дочь...

Его глаза потемнѣли.

— Я помню, сударыня, — тихо сказалъ онъ.

— Какъ это могло случиться, Генрихъ?

Онъ замедлил ходъ машины.

— Видите ли, сударыня, я могъ бы это объяснить шофферу. Чтобы понять, нужно знать устройство автомобиля мосье Франца. Его машина не такая, какъ всѣ другія. Съ тѣхъ поръ мы видѣли много такихъ машинъ. Я имѣлъ возможность изучить эту систему, чтобы составить себѣ представленіе о причинахъ несчастья. Въ тотъ злополучный вечеръ я обратилъ вниманіе, что рычагъ ручнаго тормоза былъ натянута до конца. Это доказываетъ, что барышня воспользовалась имъ. Позже я понялъ, почему тормоза не работали. Несомнѣнно, въ трубкахъ не было масла. А такъ какъ въ то время контрольный аппаратъ еще не былъ установленъ...

— Вы говорите, что ручной тормозъ былъ зажатъ до конца?

— До конца, сударыня. Я показалъ его двумъ свидѣтелямъ катастрофы. На другой день я хотѣлъ показать еще другимъ, но не успѣлъ, такъ какъ мосье Францъ убралъ машину ночью. Я ему сказалъ относительно тормоза, но онъ отвѣтилъ, что не обратилъ на это вниманія. Это понятно, онъ былъ такъ разстроенъ. Чортъ возьми, опять стадо барановъ. Знаете, сударыня, бараны — это сущее несчастье для шофферовъ.

Мы въѣзжали въ городъ. Темнѣло.

— Куда прикажете везти васъ?

— Въ судъ.

Автомобиль остановился, я вышла.

— Можно васъ подождать?

— Нѣтъ, Генрихъ, не надо. Я буду ночевать въ городѣ. Спасибо и — до скорого свиданія.

Я постучала къ привратнику.
 — Какъ пройти къ прокурору?
 — Во дворѣ, направо по коридору, первая дверь направо.
 Коридоръ былъ слабо освѣщенъ маленькимъ фонаремъ. Нѣсколько человѣкъ сидѣли на скамьяхъ: крестьянинъ, женщина съ ребенкомъ, какой-то бродяга, который пререкался со сторожемъ, запрещающимъ ему курить.
 — Господинъ судья курить, не правда ли? И жандармскій бригадиръ тоже? А почему мнѣ нельзя?
 — Мнѣ нужно видѣть прокурора.
 — Ваша очередь вторая.
 Я сѣла на скамью. Слово во снѣ, донеслись до меня разговоры, которые вели мои сосѣди. Молодую женщину съ ребенкомъ бросилъ мужъ. Она пришла просить назначить ей адвоката для возбужденія дѣла о разводѣ.
 — Ваша очередь.
 Я вошла въ бѣдно обставленный и плохо освѣщенный кабинетъ. Человѣкъ лѣтъ сорока поднялся мнѣ навстрѣчу.
 — Я имѣю честь говорить съ г. прокуроромъ?
 — Это я, сударыня. Разрѣшите вамъ сказать, что я сегодня очень занятъ. Если дѣло, по которому вы пришли не очень срочно, я бы васъ попросилъ... О чемъ идетъ рѣчь?
 — Объ убійствѣ.
 — О, въ такомъ случаѣ... Прощу васъ присѣсть.
 Часъ спустя, я повторила слѣдователю то, что я рассказала прокурору. Онъ представилъ мнѣ протоколъ моего допроса и я твердой рукой подписала его.

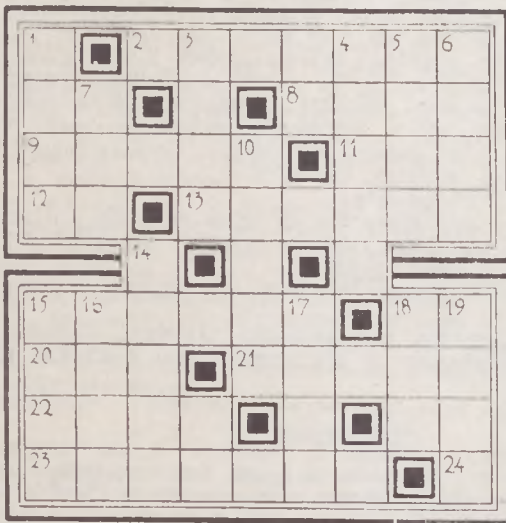
Вошелъ курьеръ, которому слѣдователь что-то тихо сказалъ. Онъ прибавилъ огня въ лампахъ и вышелъ.
 Видно было, что слѣдователь подыскивалъ соответствующую форму.
 — Сударыня, — началъ онъ. Гмъ, гмъ... Я думаю, что вы хорошо обдумали тѣ послѣдствія, которыя повлечетъ ваше заявленіе. Я долженъ предупредить васъ объ этихъ послѣдствіяхъ. Я только что подписалъ приказъ объ арестѣ г. Франца В. по обвиненію въ убійствѣ вашей дочери.
 Я наклонила голову.
 — Теперь васъ не должно удивить... Вы пойдете вполне естественнымъ, что, на основаніи параграфа 1-го, статьи 60 Уголовнаго уложенія, я принужденъ предъявить вамъ обвиненіе въ соучастіи въ убійствѣ и заключить васъ подъ стражу.
 Я еще ниже наклонила голову.
 — Хорошо.
 Онъ позвонилъ. Дверь открылась. Минуту спустя, я вышла изъ его кабинета въ сопровожденіи двухъ жандармовъ.
 Теперь коридоръ былъ пустъ. Оставалась только молодая женщина со своимъ ребенкомъ.
 Когда я проходила мимо нея, я слышала, какъ дѣвочка спросила ее:
 — Скажи мама, что сдѣлала эта старушка?

Перев. съ французскаго Р. Л—на.

КОНЕЦЪ.

КРЕСТОСЛОВИЦА

ЗАДАЧА № 504

Горизонтально:

2. Мужское имя. 8. Тотъ, кто имѣетъ шить, въ этомъ никогда не признается. 9. Результатъ усилій воды или вѣтра. 11. Мѣсто самоотравленія. 12. Древняя монета. 13. Герой образцовой во всѣхъ отношеніяхъ оперы. 15. Городъ въ центральной Германіи. 20. Политическій дѣятель, погибшій изъ за своеобразія вкусовъ. 21. Бураскъ. 22. Прародитель. 23. Военный музыкантъ.

Вертикально:

1. Дерево. 3. Объектъ поклоненія. 4. Сортъ рыбы. 5. Воздухоплаватель. 6. То, что соединяетъ и раздѣляетъ. 7. Часть лица. 10. Сѣверная народность. 14. Также житель сѣвера. 15. Извѣстный актеръ. 16. Французская автомобильная фирма. 17. Островъ въ греческомъ архипелагѣ. 18. Судно. 19. Рѣка въ Италіи.

Почтовый ящикъ

Приводимъ условія, на которыхъ допускается участіе читательницъ и читателей «Иллюстрированной Россіи» въ нашемъ почтовомъ ящикѣ:

1. Хотя предложеніе вступить въ переписку будутъ печататься подъ инициалами — Редакція должна имѣть въ своемъ распоряженіи точныя фамиліи и адреса.
  2. Письма, поступающія на имя объявителей, будутъ пересылаться по назначенію только въ томъ случаѣ, если отправитель не живетъ въ томъ городѣ, что и адресатъ.
  3. Редакція оставляетъ за собою право не печатать такіа предложенія, которыя по духу своему, содержанію или стилю не соответствуютъ задачамъ «Почтоваго Ящика».
  4. На пересылку писемъ — прилагать французскія марки (для лицъ, живущихъ внѣ Франціи), международный почтовый купонъ со штемпелемъ.
- За помѣщеніе объявленія установлена цѣна въ 20 франковъ за три раза. (или 14 международныхъ почтов. купоновъ со штемпелемъ).

TOUJOURS SEUL, 38 л., интелл., им. постоянную службу, хотѣлъ бы перепис. съ особой среднихъ лѣтъ жив. во Франціи. 451

Розыскивается Борисъ Эдуардовичъ Леманъ, б. офицеръ арміи Деникина. Москвитч. Пр. лицъ, зн. о его судьбѣ, сообщ. въ ред. «И. Р.» 455

Розыскиваю есаула Ксенигъ Евдокима Титовича, ур. гор. Ейска, Кубанской области. Пр. откликнуться по адр.: Legionnaire Nicolas Taranetz, 11 e-nie, 4 Etranger, Poste Zilmi, Maroc. 471

Лицъ знающихъ мѣстопребываніе семи Dramez — Emile, Marthe, Marcelins, Jean et Florentine, прос. сообщ. по адресу: M-me Rotulo, Route Forestière de Jardy, Chaville (S. O.) 482

Лицъ, знающихъ мѣстопребываніе Николая Башкирова, служ. въ Крыму въ 13-ой артиллер. бригадѣ 13-ой дивизіи, просятъ сообщить его адресъ: Mr. Koudriachoff Basile, 14, cité de Pusu, Paris 17-e. 483

Лицъ, знающ. что-либо о судьбѣ Владиміра и Александра Михайловичей Колесниченко, прош. напис. по адресу: Cap. Guera 4939, 4 Reg. Etr. C. M-2 par Agadir militaire Aferni. Maroc Occidental. 483

Интеллигентн. русская средн. лѣтъ, любящая семейн. уютъ и дѣтей, хотѣла бы переписыв. съ интеллигент. соотечеств., имѣющимъ хотя бы небольшою, но постоянный заработокъ.

«АМЕКО» мол., интеллигентн. дама, одиножел. переписыв. съ серьезн. господ. жив. въ Австраліи, Канадѣ или въ др. стран. 482

ДАМА-ШАТЕНКА, прожив. въ одномъ изъ Европейскихъ государствъ, интеллигент., 30 лѣтъ (не французенка и не модернъ), въ теченіе послѣдн. лѣтъ находящаяся на государств. службѣ — желаетъ переписываться съ интеллигентн. господ., материально обесп., не моложе 35 лѣтъ, любящ. дѣтей и тих. семейн. Отвѣчу на каждое серьезное письмо. Желательна краткая біографія. Тайна гарантирована. 483

Русскій парижанинъ, б. добровольч. офицеръ, представит., 32 л., хотѣлъ бы переписыв. съ русск. дѣвушк. для серьезн. цѣли, проживающей предпочит. въ Польшѣ и хотя бы немного обезпеч. 484

Русская англичанка: 29 л., одинокая, симпатичная, серьезн., трудолюб. и хор. хозяйка, желала бы, путемъ переписки, познакомиться съ русскимъ лѣтъ 35-50. Желат. тих. права и любящаго сем. уютъ. Интеллигентность и материальн. полож. никакого значенія имѣютъ. 484

Бывшій офицеръ 38 л., соверш. одиноко обезпеч. постоян. службой на зав., вблизи Парижа, жел. вступ. въ переписку съ дѣвушк. или вдовой, думающ. о тих. семейн. жизни. Цѣль серьезн. Тайну переписки гарантирую. 486

РУССК. ЭМИГР. правосл., бывш. офицеръ высш. образ., 41 г, на видѣ 35. Чрезвыч. солидное полож. во Франціи. Проситъ отъ русск. дѣв., вдовы лучш. общества, высок. хорошо слож., симпат., изящ., культ., не старше 30 л. Очень желат. хорош. піанист. Имѣю піан. Отв. серьезн., обстоит. письм. фотогр., кот. возвр. Соверш. конфеденц. 486

Русская Нормальная Консерваторія

CONSERVATOIRE NORMAL RUSSE

67-69, rue de Douai (Place Clichy), Paris (9^e).

Директоръ Е. О. Гунстъ. Секретарь: В. Г. Вальтеръ.

Начало занятій 1 октября. Пріемъ съ 15 сент. по четв. и субб., 12-1 ч. дня.

ТРЕБУЕТСЯ СТЕНО-ДАКТИЛО, знающая бухгалтерію, для завѣдыванія магазиномъ. не старше 30 лѣтъ. Серьезныя рекомед. Хорошее знаніе фр. языка ОБЯЗАТЕЛЬНО.

Etablissements BLACK-RED, 22, Av. Alfortville,

CHOISY LE-ROY (Seine). Tél.: 667.

ФРАНКО-РУССКАЯ КЛИНИКА д-ра Г. ЭТТИНГЕРА
 168-ter, AV. DE NEUILLY, Neuilly s/S. — TEL.: MAILLOT 95-50.
 Постоянные кровати. При клиникѣ круглыя сутки находится врачъ. Консультация извѣ-
 стныхъ профессоровъ. Плата за содержание стационарныхъ больныхъ отъ 40 фр. въ
 сутки. Приемъ роженицъ. Тщательный уходъ. Полный комфортъ. Рентгеновскій каби-
 нетъ. Ультра-фиолет. лучи. Свѣтотопныя ванны. Haute fréq. Диатермия, Курсы общаго и
 частичнаго худѣнія. Справки лично и письменно по первому требованію.

Профессоръ
Е. М. Вайнштейнъ
 АКУШЕРСТВО и ЖЕНСК. БОЛ. (ХИРУРГІЯ)
 4, SQUARE THIERS (уг. 155, av Victor-
 Hugo), Passy 80-30.
 Приемъ отъ 5-7 час. и по соглаш.

Пар. Ун. **Марія Ник. СОПРУНОВА**
 Д-ръ Мед. Моск. Ун. Берд. Ун. кл. пр. Штрасмана.
 ЖЕН. БОЛ. и АКУШЕРСТВО. Еж. 2-4 ч.
 11, Av. Motte-Picquet. Ségur 69-74.

90, AVENUE FELIX FAURE, 90

(прежде 125, rue de Javel)

Вниманію шофферовъ такси

Спец. мастерская быстрыхъ и дешевыхъ починокъ крыльевъ, паршюковъ и т. д.
 переведена — 90, av. Felix Faure.

Открыто (даже въ воскр. и празднич. дни) отъ 7 до 20-ти часовъ.

ВСѢ ВЕДЕТТЫ

Всѣ элегантныя женщины

УПОТРЕБЛЯЮТЪ ТОЛЬКО ЧУДЕСНЫИ

КРЕМЪ КРАСОТЫ

Доктора Мюллера

ИЗГОТОВЛЯЕМЫИ ИЗЪ ЧИСТѢЙШАГО МАСЛА
 И НАИЛУЧШАГО ПЧЕЛИНАГО ВОСКА

ЭТОТЪ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫИ КРЕМЪ ПРИДАЕТЪ ИЗУМИТЕЛЬНЫИ ЦВѢТЪ ЛИЦА,
 УНИЧТОЖАЕТЪ ПРЫЩИ ВЪ НѢСКОЛЬКО ДНЕИ, А МОРЩИНЫ ВЪ ТЕЧЕНИЕ
 4-5 МѢСЯЦЕВЪ И РАСХОДУЕТСЯ ВЪ 10 РАЗЪ ЭКОНОМНѢ ВСЯКИХЪ ДРУ-
 ГИХЪ КРЕМОВЪ.

Высылка одного тюбика съ доставкой на домъ:

Во Франціи 8 франковъ. За-границей 10 франковъ.

При заказѣ прилагать деньги въ заказномъ письмѣ или чекомъ и адресовать:

SERVICE DE LA PUBLICITE « LA RUSSIE ILLUSTREE », 24, Rue Clément-Marot PARIS (VIIIe)

Ставь во главѣ О-ва Nixe,
 извѣстнаго своими первоклассными продуктами,
СЕРГѢИ ХРИСТОФОРОВИЧЪ МИССИРОВЪ

ДОВОДИТЬ ДО СВѢДѢНІЯ СВОИХЪ УВАЖАЕМЫХЪ КЛИЕНТОКЪ О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

BATON ANTIRIDES — испытанное средство противъ морщинъ.

Внѣ конкуренціи — **Rouge à lèvres.**

Всѣ Produits de beauté высшаго качества.

21, Bd de Grenelle. Paris (15-e).

Tél.: Suffren 35-39.

**БОЛЬШОЕ
 Пониженіе цѣнъ**
 •
**Посылайте
 продукты
 въ Россію**

ГАРАНТИРУЕМЪ КАЧЕСТВО И ДОСТАВКУ
 ВЪ РОССІЮ ВЪ ТЕЧЕНИЕ 15 ДНЕИ

НЕОБХОДИМѢЙШЕ ПРОДУКТЫ:

Чистый вѣсъ посылки до 8,5 кило

Цѣны за кило со
 всѣми безъ исклю-
 ченія расходами.

Мука пшеничная	4.70
Манная крупа	7.—
Гречневая »	5.—
Перловая »	4.25
Пшено	3.90
Рисъ 1 сортъ	9.—
Макароны, вермишель	7.—
Сахаръ-рафинадъ	9.50
» песокъ	8.50
Молоко сгущен. 1000 гр.	12.—
Масло сливочн.	21.—
» подсолнечное	12.—
Сыръ Швейцарскій	24.—
Сало топленое	22.—
Колбаса	26.—
Грудинка	19.—
Шпроты 300 гр.	8.—
Кильки 400 гр.	9.—
Скумбрія 250 гр.	4.50
Какао 250 гр.	16.—
Шоколадъ плитками 200 гр.	10.—
Чай 200 гр.	19.—
Кофе Мокко 1 кило	45.—
Мыло хозяйств.	10.—
Печенье 500 гр.	7.—
Варенье 500 гр.	7.—

Заказы и деньги могутъ высылаться :
 « La Russie Illustrée », 24, rue Clément-
 Marot, VIIIe — наличными, чекомъ или поч-
 товымъ мандатомъ, или взносомъ на нашъ
 почтовый текущій счетъ № 671-81.

Если вы хотите помѣстить Ваше объявленіе
 въ «Иллюстрир. Россію», позвоните по тел.
BALZAC 19-52 и къ Вамъ немедленно
 явится агентъ отд. объявленій.

Новые двойные тиражи 1934 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛОТЕРЕЯ

	Фр.
1 выигрыш	5.000.000
20 выигрышей по	1.000.000
40 выигрышей по	300.000
80 выигрышей по	100.000
400 выигрышей по	50.000
400 выигрышей по	25.000
4.000 выигрышей по	10.000
40.000 выигрышей по	1.000
400.000 выигрышей по	200

Кромѣ сего установлено 61 утѣшительныхъ выигрыша:

39 билетовъ того же номера, что выигравшій 5 миллионѣвъ, но всѣхъ остальныхъ 39 серий, **ВЫИГРЫВАЮТЪ** по 100.000 фр. каждый.

2 билета той же серии, что выигравшій 5 миллионѣвъ, но на одинъ № больше и на одинъ № меньше, **ВЫИГРЫВАЮТЪ** по 50.000 фр. каждый.

20 билетовъ, имѣющихъ тотъ же номеръ, что выигравшій по 1 миллиону, но другихъ 20-ти серий, **ВЫИГРЫВАЮТЪ** по 50.000 фр. (1 милл. выигрываетъ одинъ номеръ двадцати опредѣленныхъ серий, а остальные серии этого же номера — по 50.000).

ВСЕГО 445.002 БИЛЕТА ВЫИГРЫВАЮТЪ 240.000.000 франк.

Нашимъ читателямъ мы продаемъ

КНИЖКИ (10 билетовъ)	за 1.000 франковъ
БИЛЕТЫ: цѣлый билетъ	100 »
Участіе въ 1/4 »	25 »
1/10 »	10 »

За границу на пересылку, почтовые расходы и гербовыя марки взимаются отдѣльно по каждому заказу 5 фр.

Выдача заказываемаго немедленно

Таблицу выигрышей послѣ тиража помѣщаемъ въ ближайшемъ №.

СТОИМОСТЬ ПРИНИМАЕТСЯ ВО ФРАНЦИИ ЧЕКОМЪ-ПЕРЕВОДОМЪ, ЧЕКОМЪ ИЛИ ВЗНОСОМЪ НА **CHEQUES POSTAUX 671-81, PARIS.**

ЛИЦА, ЖИВУЩІЯ ЗА-ГРАНИЦЕЙ И НЕ ИМѢЮЩІЯ ВОЗМОЖНОСТИ ПОСЛАТЬ ФРАНКИ ИЛИ ЖЕ СТОИМОСТЬ ТАКОВЫХЪ ВЪ ДРУГОЙ ВАЛЮТЪ, МОГУТЪ НАМЪ ПОСЫЛАТЬ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПОЧТОВЫЕ КУПОНЫ С О Ш Т Е М П Е Л Е М Ъ ИЗЪ РАСЧЕТА 1 КУПОНЪ = 1 1/2 ФРАНКА.

Всю corresp. направлять по адресу : «**LA RUSSIE ILLUSTRÉE**», 24, rue Clément Marot, Paris (8e).